

но пораженный красотою волшебницы, онъ простеръ къ ней объятія, обѣщая сегодня-же вступить съ нею въ бракосочетаніе; но въ эту самую минуту появилась въ комнатѣ дочь Дервишъ-султана и взявши Керима за руку, подвела его къ отцу своему, прося выслушать этого молодаго человѣка; но Керимъ предварительно повернулся къ тирану своему и сказалъ: Ты мечтаешь, негодный человѣкъ, о женитбѣ въ тотъ моментъ, когда я придумаю тебѣ самый жестокій образъ смерти! Ты въ счастіи твоёмъ забылъ, что сегодня оканчивается срокъ моей клятвы— быть твоимъ рабомъ. Затѣмъ юноша обратился къ Дервишъ-султану и подробнѣйшимъ образомъ разсказалъ ему безстыдный поступокъ Алія съ нимъ. Пораженный султанъ не вѣрилъ слуху своему, но когда и дочь его повторила тоже, онъ съ слезами на глазахъ началъ обнимать достойнаго родственника своего и просить его лично назначить наказаніе гнусному самозванцу.— Я желалъ-бы, сказалъ Керимъ, чтобы этотъ злодѣй былъ привязанъ къ хвостамъ тѣхъ 40 лошадей, которыя я, по его приказанію, долженъ былъ позолотить. Пусть онъ разорветъ его тѣло на 40 кусковъ. Султанъ сдѣлалъ знакъ тѣмъ самымъ палачамъ, которымъ поручилъ Али явиться на сегодняшній день для снятія головы Кериму въ точности исполнить приказаніе Керима. На слѣдующій день глашатаи извѣщали всѣхъ вѣрноподанныхъ, что повелитель ихъ усыновилъ царевича Керима и выдаетъ за него замужъ единственную дочь свою. Свадьба эта продолжалась нарочно 40 дней и сорокъ ночей, для того, чтобы всѣ жители его царства имѣли возможность попировать до пресыщенія.

Богатырь Фетла.

На берегу славной рѣки Башъ-су расположено было небольшое селеніе Харасанъ, принадлежащее богатому скрягѣ, извѣстному подъ именемъ Саранъ-бая т. е. скупаго купца. Саранъ-бай имѣлъ единственнаго сына Фетлу, съ которымъ день и ночь работаль, то въ степи, то дома. Однажды, покончивъ посѣвъ зерна на нивѣ, Саранъ-бай поручилъ сыну своему напоить воловъ въ ближайшемъ прудѣ и немедленно возвратиться домой. Фетла, пригнавъ животныхъ къ водопою, почувствовалъ внезапно такое влеченіе ко сну, что рѣшился проспять нѣсколько часовъ. Когда онъ проснулся, солнце уже скрылось за горизонтомъ. Молодой человѣкъ, не вставая съ мѣста, продолжалъ наслаждаться видѣннымъ имъ сномъ. „Не странно-ли, говорилъ онъ про себя, что мнѣ причудилась женитба съ дочерью нашего султана и что я сдѣлался падишахомъ.“ Наконецъ онъ умылся, и, собравъ воловъ своихъ, отправился домой. По дорогѣ онъ повстрѣчался съ отцомъ.— Ахъ ты такой-сякой, напустился онъ на сына своего, гдѣ ты пропадалъ?— Прости меня, отецъ, я заснулъ и нѣсколько времени мечталъ о видѣнномъ снѣ.— Ты видѣлъ сонъ?— Да, и очень важный.— Расскажи мнѣ его.— Не могу. Саранъ-

бай разсердился и начал настаивать на своемъ. Фетла упорствовалъ. Разсерженный отецъ принялся бить его. Юноша убѣждалъ къ матери, прося ея заступничества. Мать спрятала его, но минуто спустя сама начала допрашивать, какой именно сонъ онъ видѣлъ? Фетла молчалъ. Это разсердило и мать его, которая въ свою очередь начала бить сына. Побои прекратились только тогда, когда бѣднаго Фетлу, за упорство и непослушаніе, выгнали изъ дома. Вы, быть можетъ, пожелаете узнать, почему Фетла скрылъ сновидѣніе свое отъ отца и матери? На востокѣ и между крымскими татарами существуетъ обыкновеніе пожелать каждому, сказавшему что онъ видѣлъ въ снѣ — да будетъ онъ къ добру (*хайръ ослунъ*). Если-же ему не пожелаютъ этого, онъ считаетъ несчастьемъ рассказывать свое сновидѣніе. На этомъ основаніи и Фетла не пожелалъ передавать своего сна родителямъ.

Изгнанный изъ отцовскаго дома, прекрасный наружностію, Фетла долго думалъ, куда ему идти. Наконецъ, взявъ пастушескій посохъ, онъ тронулся въ путь, куда глядятъ глаза. Шелъ онъ всю осень и зиму, вдругъ предъ нимъ показался громадный городъ, какового онъ никогда и не видѣлъ. Желая разсмотрѣть его до подробностей, Фетла взобрался на высокій мраморный фонтанъ, украшенный золотыми надписями и началъ восхищаться видомъ. Въ это время къ фонтану подвели на водоной царскихъ лошадей, которыя, завидѣвъ на немъ человѣка, ни за что не хотѣли подступить. Кучеръ, понявъ въ чемъ дѣло, началъ просить чужестранца спуститься, но Фетла не обратилъ на просьбы его вниманія. Озлобленный конюхъ разсердился и, возвратившись во дворецъ, доложилъ султану, что какой-то негодяй завладѣлъ царскимъ фонтаномъ и не допускаетъ его лошадей напоить. Султанъ въ свою очередь разсердился и приказалъ немедленно привести его къ нему. Приказаніе было исполнено въ ту-же минуту, и Фетла очутился предъ глазами могущественнаго султана. — Кто ты такой? спросилъ падишахъ и откуда явился въ мое царство? — Молодой человѣкъ далъ отвѣтъ. — Какія причины заставили тебя покинуть родительскій домъ? Фетла рассказывалъ султану, какъ онъ видѣлъ страшный сонъ, какъ родители мучили его за то, что онъ скрылъ его отъ нихъ и какъ наконецъ за ослушаніе они выгнали его изъ дому. Такъ ты скрылъ отъ нихъ свой сонъ? сказалъ султанъ, но я увѣренъ, что ты расскажешь его твоему владыкѣ. — Ни за какія блага, отвѣчалъ Фетла. — Какъ! закричалъ онъ, мнѣ, султану ты отказываешь? Эй, люди! возьмите этого негодяя и бросьте его въ темницу, что подъ дворцомъ моимъ. Пусть онъ умретъ голодною смертію. Приказаніе султана выполнено было немедленно и Фетла очутился между грудями человѣческихъ костей, принадлежавшихъ осужденнымъ, подобно ему, на голодную смерть; впрочемъ онъ не потерялся, а преспокойно началъ собирать кости и, связывая ихъ длинными женскими косами, сооружать лѣстницу къ потолку своей темницы. Къ ночи лѣстница не только была готова, но даже установлена на

мѣсто. Предъ разсвѣтомъ Фетла поднялся по ней и, послѣ непродолжительныхъ усилій, очутился въ комнатѣ дочери султана. Предъ нимъ стоялъ длинный мраморный столъ, установленный множествомъ золотыхъ сосудовъ съ различными кушаньями и лакомствами. Фарфоровые графины были наполнены душистымъ шербетомъ восхитительнаго вкуса. Фетла преспокойно сѣлъ за столъ и удовлетворилъ своимъ потребностямъ. Затѣмъ, замѣтивъ на золотой кровати, устланной алмазами, спящую царевну величественной красоты, онъ подошелъ къ ней и, перестановивъ подсвѣчники, поцѣловалъ красавицу въ щеку и снова возвратился въ темницу свою, тщательно закрывъ выдвинутый имъ паркетъ. Утромъ проснулась царевна Гуль-султанъ и прежде всего замѣтила, что кто-то переставилъ ея подсвѣчники. „Не служанка ли? подумала она, захлопавъ въ ладоши; но служанки поклялись, что онѣ не дѣлали этого.—Подайте мнѣ шербету, сказала царевна. Прислужницы бросились къ графинамъ, но, увы—они были пусты. Тогда царевна положительно убѣдилась, что кто-то заходилъ въ ея комнату, но ничего не сказала никому. На слѣдующую ночь Фетла снова посѣтилъ комнату царевны, наѣлся и напился, переставилъ подсвѣчники, поцѣловалъ ее и опять скрылся въ подземелье свое. Это продолжалось около мѣсяца. Царевна, любопытство которой затронуто было до высочайшей степени, горѣла желаніемъ открыть посѣтителя своего, но никакъ не могла просидѣть до того времени, когда онъ являлся. Наконецъ, отчаявшись, она рѣшилась обрѣзать свой палецъ съ цѣлью не заснуть въ теченіи всей ночи. Вдругъ она замѣчаетъ, что пошевелился коверъ въ центрѣ комнаты, потомъ выдвинулось нѣсколько кусковъ паркета и затѣмъ, показался прекрасный молодой человѣкъ. Онъ быстро подошелъ къ столу и началъ ѣсть и пить. Потомъ, совершивъ молитву, подошелъ къ ея кровати, переставилъ подсвѣчники и нагнулся, чтобы поцѣловать ее, но въ эту минуту царевна открыла свои глаза и, обѣими руками схвативъ его, спросила, кто онъ такой? Фетла смутился, но отвѣчалъ, что такой же человѣкъ, какъ и всѣ люди. Гуль-султанъ пригласила его присѣсть и начала разспрашивать, какими судьбами онъ явился въ ихъ столицу и за что именно осужденъ на гибель въ темницѣ. Фетла, разказала ей все.—Да будетъ къ благу твоей сонѣ—сказала она, попросивъ его разказать сновидѣніе. Несчастный плѣнникъ, услышавъ въ первый разъ доброжелательство, не замедлилъ разказать ей свое сновидѣніе и, естественно, остался у ней до разсвѣта. Онъ до того понравился доброй дѣвицѣ, что на другой же день она спустила ему новую одежду и безъ терпѣнія ожидала наступленія ночи. Въ подобныхъ свиданіяхъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Однажды Фетла, по обыкновенію, выдѣлся изъ темницы своей и съ улыбкою подошелъ къ царевнѣ, но она со вздохомъ посмотрѣла на него.—Что съ тобою? спросилъ Фетла, о чемъ ты печалишься? Авось я несчастный узникъ помогу тебѣ.—Врядъ ли пособишь намъ, отвѣчала Гуль-султанъ.

Но во всякомъ случаѣ, любя тебя, я расскажу наше общее горе: представь, сегодня Чурскій султанъ, которому нѣтъ равнаго въ мірѣ по силѣ и богатству, прислалъ къ отцу моему извѣстіе, что на дняхъ привезутъ къ нему лукъ со стрѣлою въ тысячу пудовъ тяжести съ приказаніемъ, чтобы онъ нашелъ въ царствѣ своемъ такого человѣка, который могъ бы выстрѣлить изъ него, но такъ, чтобы стрѣла достигла бы границы его царства. На исполненіе этого, султанъ назначаетъ 40 дневный срокъ съ угрозою, что если въ теченіи этого времени не будетъ исполненъ его приказъ, онъ займетъ наше царство своими войсками, а меня возьметъ въ свой гаремъ. Фетла улыбнулся и отвѣчалъ: ну, это еще не бѣда, если не забудешь сказать отцу твоему, чтобы онъ въ минуту отчаянія, послалъ бы кого-нибудь въ мое подземелье. Тогда, выпущенный на свободу, я исполню приказъ Чурскаго падишаха и, конечно, отецъ твой обязанъ будетъ сдѣлать меня своимъ зятемъ. Гуль-султанъ чрезвычайно обрадовалась, что въ Фетлѣ встрѣтила будущаго спасителя отца и царства. На слѣдующій день доставленъ былъ отъ Чурскаго падишаха замѣчательной величины лукъ со стрѣлою и установленъ противъ султанскаго серала. Немедленно послѣ этого, разосланы были по царству сотни курьеровъ, приглашающихъ богатырей въ столицу, попробовать свои силы съ общаніемъ, кто выстрѣлитъ изъ лука Чурскаго падишаха, тотъ въ награду получитъ въ супружество единственную дочь царя своего и признанъ будетъ наслѣдникомъ престола. Прошло 30 дней со времени доставки страшнаго лука и много уже богатырей пробовали натянуть тетиву, но, увы—никому не удалось. Царь приходилъ въ отчаяніе, рвалъ бороду, а между тѣмъ роковой день срока приближался. На 31 день Гуль-султанъ, желая утѣшить страданія потерявшаго всякую надежду отца своего, вошла къ нему и, цѣлуя руки сказала: отецъ мой, я узнала, что въ царствѣ твоёмъ не нашлось никого, могущаго натянуть страшный лукъ.—Да,—отвѣчалъ старикъ со слезами на глазахъ.—Не отчаявайся добрый отецъ: мы имѣемъ еще 9-ть дней срока. Авось милостивый Аллахъ поможетъ намъ. Знаешь ли отецъ, я посоветовала бы тебѣ поискать въ нашемъ подземельѣ—нѣтъ ли тамъ какого-нибудь человѣка, способнаго взяться за это дѣло?—Ахъ, дочь моя—развѣ можетъ быть тамъ живой человѣкъ, когда двери темницы не отворялись болѣе года.—Спрось не бѣда! Быть можетъ Аллахъ сохранилъ кого-нибудь. Султанъ, не желая противорѣчить дочери, приказалъ подать ему ключи отъ темницы и самъ вошелъ въ нее. На вопросъ его: есть ли кто въ живыхъ здѣсь? послышался вдали отвѣтъ: только я государь! Падишахъ съ восторгомъ бросился къ Фетлѣ и повелъ его за собою во дворецъ. Когда освобожденный узникъ былъ обмытъ въ банѣ и одѣтъ въ приличную одежду, падишахъ сообщилъ ему свое горе и подвелъ къ громадному луку.—Не можешь ли, ты сынъ мой—сказалъ онъ—выстрѣлить изъ него, но такъ, чтобы стрѣла долетѣла до царства моего недруга? Фетла молча приблизился къ

стрѣль, которую съ трудомъ передвигали сто человѣкъ, поднялъ ее двумя пальцами и завертѣлъ надъ головою.—Могу—отвѣчалъ онъ, покажите, куда надо стрѣлять? Радость султана была неизъяснима, но такъ какъ до роковаго дня оставалось больше недѣли, то султанъ, остановивъ молодаго богатыря, повелъ его въ сераль и началъ угощать самыми питательными кушаньями, чтобы возвратитъ, какъ онъ мечталъ, утерянныя богатыремъ силы отъ неупотребленія пищи въ теченіи года.

Но вотъ наконецъ насталъ день стрѣльбы. Наканунѣ еще султанъ, по просьбѣ Фетлы, послалъ по назначенной линіи полета стрѣлы, извѣститъ жителей, чтобы они не пугались, если подъ ними будетъ дрожать земля и стануть разрушаться ветхія постройки. Фетла выступилъ на площадь, занятую массами любопытныхъ. Въ одинъ моментъ онъ приложилъ стрѣлу и, натянувъ что было силъ, тетиву, выпустилъ страшное оружіе, которое съ быстрою молніи исчезло за небосклономъ. Герой сопровождаемый оглушительными привѣтствіями народа, возвратился во дворецъ. Султанъ сначала не помнилъ себя отъ радости, но нѣсколько минутъ спустя снова безпокойныя думы отразились на его лицѣ: онъ боялся, что стрѣла не долетитъ до назначеннаго мѣста. Тоска и боязнь не покидали падишаха до того времени, пока могущественный недругъ его не прислалъ двухъ курьеровъ съ благодарностью за отличное и своевременное исполненіе приказа. Эта вѣсть такъ отрадно подѣйствовала на султана, что онъ приказалъ сейчасъ же начать свадьбу дочери съ Фетлоу, которая продолжалась 40 дней и 40 ночей. Мѣсяць спустя, Фетла пришелъ къ тестю съ просьбою позволить ему съѣздить въ гости къ Чурскому султану.—Ахъ, любезный сыночекъ—отвѣчалъ падишахъ—если ты явишься къ нему, онъ навѣрно посягнетъ на жизнь твою, чтобы лишитъ меня такого богатыря, какъ ты и завладѣть моимъ царствомъ.—Твой страхъ напрасенъ, потому что я не довѣрчивъ къ врагамъ. Султанъ продолжалъ настаивать, но видя неуступчивость зятя, пожелалъ ему счастливаго пути. Фетла приказалъ подать себѣ лучшаго скакуна, простился съ родными и поскакалъ по направленію пущенной имъ стрѣлы. Два дня онъ ѣхалъ по степи, не встрѣчая ничего замѣчательнаго. Вдругъ предъ нимъ показался мулла, разгуливающій съ мечетью на головѣ. Пораженный такою силою человѣка, Фетла подѣхалъ къ нему и крикнулъ: слава твоему искусству, братъ!—Развѣ эта сила можетъ имѣть какое-нибудь сравненіе съ искусствомъ того юноши, который выстрѣлилъ изъ лука Чурскаго султана? возразилъ мулла.— А если ты встрѣтишься съ этимъ богатыремъ—спросилъ Фетла—сдѣлаешься-ли его вѣчнымъ другомъ?— Это было-бы величайшимъ удовольствіемъ для меня. Фетла не замедлил признаться. Тогда мулла сбросилъ съ головы мечеть и послѣдовалъ за нимъ. Дальше герой нашъ былъ пораженъ встрѣчею съ молодымъ человѣкомъ, который, привязавъ къ ногамъ по два жернова, нагонялъ зайцевъ и хваталъ ихъ ру-

ками.—Слава твоему искусству! сказалъ Фетла, поравнявшись съ нимъ. Охотникъ оглянулся и отвѣчалъ ему тоже самое, что и мулла.—Ну, а если этотъ Фетла предложитъ тебѣ вѣчную дружбу, согласишься-ли ты слѣдовать за нимъ?—Еще-бы! я счелъ-бы себя счастливѣйшимъ въ мірѣ. Фетла сознался и протянулъ руку къ звѣролову, который не замедлилъ сбросить громадные камни и послѣдовалъ за нимъ. На третій день путешественники наши замѣтили подъ деревомъ человѣка, который подкрался къ воронѣ и такъ мастерски началъ влетать въ крылья ея проволоку, что птица не чувствовала прикосновенія. Удивленный необыкновенною ловкостью его, Фетла и къ нему обратился съ тѣми-же словами, какъ и къ первымъ друзьямъ своимъ и кончилъ тѣмъ, что и его принялъ въ число сопутниковъ. Нѣсколько-верстъ дальше друзья подѣхали къ человѣку, приложившему ухо къ землѣ.—Что ты дѣлаешь братъ? спросилъ Фетла.—Я прислушиваюсь къ стонамъ умирающихъ на полѣ битвы комаровъ — отвѣчалъ незнакомецъ. Фетла похвалилъ его замѣчательный слухъ и его принялъ въ число друзей.

Предъ вечеромъ того-же дня путешественники подѣхали къ человѣку, который, поднявъ ружье, началъ прицѣливаться, но во что онъ мѣтилъ никто не могъ знать, потому что впереди не было видно ничего.—Куда и во что ты цѣлишь? спросилъ его Фетла.—Вы не повѣрите мнѣ—отвѣчалъ охотникъ—что за тысячу верстъ отсюда я вижу отрядъ войска, которымъ командуетъ отважный гяуръ. Вотъ этого-то джигита я приготовился сбросить съ коня. Удивленный неестественнымъ зрѣніемъ этого человѣка, Фетла и его сдѣлалъ своимъ другомъ. Всѣ эти люди, по его мнѣнію не только при настоящемъ путешествіи, но и впослѣдствіи могли быть ему очень полезными. Такимъ образомъ съ пятью товарищами Фетла прибылъ въ столицу Чурскаго султана и остановившись въ лучшей кофейнѣ, послалъ извѣстить великаго падишаха о томъ, что онъ нарочно прибылъ поклониться его величеству. Когда посланный отправился, Фетла предложилъ всеслышающему другу своему обратить вниманіе, какъ приметъ этотъ докладъ султанъ и какое сдѣлаетъ распоряженіе.—Онъ приказалъ—отвѣчалъ всеслышачій—принять насъ со всевозможными почестями въ своемъ дворцѣ, а на третій день отравить.—Ого! возразилъ влетавшій въ ворону проволоку — онъ не мечтаетъ, что съ мужемъ прекрасной Гуль-султанъ слѣдуетъ другъ, который предупредить его преступное желаніе. На слѣдующій день Фетла съ друзьями представился къ Чурскому султану и поселился въ его дворцѣ. Въ тотъ-же день падишахъ, подъ предлогомъ развлечения, сказалъ: Не пожелаешь-ли, дорогой гость мой, позабавиться скачкою скороходовъ. У меня есть проворный арапъ; въ числѣ твоихъ слугъ также, вѣроятно, найдется ловкій слуга. Фетла охотно согласился и предложилъ звѣролову вступить въ состязаніе, а всевидящему другу усердно наблюдать, чтобы не допустить насилія. Скороходы отправились за 10 верстъ.—Про-

шелъ часъ. Вдругъ всевидящій охотникъ закричалъ: бѣда! схватилъ ружье, прицѣлился и выстрѣлилъ.—Что случилось? спросилъ Фетла.— Теперь бѣда миновалась — отвѣчалъ охотникъ — этотъ арапъ, понявъ что будетъ имѣть дѣло съ опаснымъ соперникомъ вздумалъ, было заткнуть нашему другу бутылку въ ротъ и бѣжать впередъ, но я сбиль ее пулею—и наша взяла.

Фетла возвратился къ султану, сидѣвшему на балконѣ съ зрительною трубою.— Кто идетъ впередъ—спросилъ онъ—мой или вашъ?—Пока не видно ничего—отвѣчалъ султанъ. Но не успѣлъ онъ произнести этихъ словъ, какъ предъ нимъ очутился звѣроловъ, другъ нашего героя, оставившій далеко за собою султанскаго скорохода. Падишахъ покраснѣлъ отъ негодованія, но благодарилъ Фетлу за доставленное развлеченіе. На третій день султанъ прислалъ къ Фетлѣ визиря съ просьбою пожаловать къ нему съ товарищами на обѣдъ. Фетла принялъ приглашеніе со всевозможными знаками почтенія, но какъ только вышелъ визирь онъ попросилъ всеслышащаго слѣдить за каждымъ словомъ падишаха. Минуту спустя другъ отвѣчалъ:— Султанъ отдалъ приказаніе накрыть два стола одинъ собственно для своей персоны, а другой для гостей съ тѣмъ, чтобы намъ подали сильно отравленное кушанье.— Это очень безсовѣстно—отвѣчалъ богатырь— но вѣдь намъ, при содѣйствіи нашего друга, который при надобности превращается въ невидимку, кажется, нечего бояться. Конечно — отвѣчалъ вилетавшій въ ворона проволоку — но вотъ что я долженъ сказать для болѣе вѣрнаго успѣха. Когда мы сядемъ за столъ, пусть мулла нашъ начнетъ вслухъ читать молитву, а я тѣмъ временемъ переставлю наше блюдо къ султану, а его къ намъ.— Прекрасно — сказалъ Фетла, и всѣ они отправились въ столовую султана, гдѣ были накрыты два стола и поставлено первое блюдо. Падишахъ очень любезно принялъ гостей и, не теряя драгоценнаго времени, усадилъ ихъ за столъ. Въ эту минуту мулла поднялся и началъ читать молитву. Султанъ поневолѣ долженъ былъ повернуться къ югу и предоставить полную свободу дѣйствія одному изъ гостей своихъ. Покончивши молитву, всѣ принялись съ жадностію поѣдать великолѣпный пиллафъ. Между тѣмъ, вставши изъ за стола, султанъ съ трудомъ добрался до семейства своего, которое кушало изъ той-же посуды. Здѣсь у нихъ одновременно начались страданія отъ вліянія сильнаго яда, противъ котораго не было еще изобрѣтено средствъ. Часъ спустя гости освѣдомились, что султанъ со всѣми членами семьи переселился въ вѣчность. Тогда Фетла обратился къ другу своему, муллѣ, съ просьбою поднять и перенести дворцы Чурскаго султана въ столицу тестя своего, а визирямъ и народу объявилъ, что онъ присоединяетъ Чурское государство къ владѣніямъ Девлетъ султана, во первыхъ за то, что падишахъ ихъ посягалъ сдѣлать тоже самое его тестю безъ всякихъ причинъ и наконецъ за то, что онъ хотѣлъ отравить его въ своемъ домѣ. Естественно, что всѣ молча повиновались богатырю, а нѣкоторые даже громко выра-

жали восторгъ быть подданными такого героя, какъ Фетла. Пока происходилъ этотъ разговоръ, мулла дѣлалъ свое дѣло, а чрезъ недѣлю друзья возвратились къ Девлетъ султану во дворецъ, который поставленъ былъ на лучшей городской площади. Обрадованный благополучнымъ возвращеніемъ зятя и присоединеніемъ къ царству своему Чурской имперіи, Девлетъ султанъ приказалъ устроить народный праздникъ, который продолжался непрерывно 40 дней и 40 ночей.

Шахъ Смаиль.

Очень давно, быть можетъ во времена отцовъ нашихъ прапрадѣдовъ, жилъ великій султанъ, предъ которымъ трепеталъ весь міръ. По слову этого царя, готовъ былъ весь человѣческій міръ ополчиться другъ противъ друга. И чего у него не было во дворецѣ? все за исключеніемъ развѣ птичьяго молока. Вотъ однажды царь созвалъ министровъ своихъ и объявилъ, что настало время ему жениться. Министры отвѣчали, что онъ сдѣлаетъ благо народу и очень обрадовались, когда свершилось бракосочетаніе его. Прошло со дня свадьбы 10-ть лѣтъ, но у падишаха не было дѣтей. Это погрузило его въ печальныя думы. „О чемъ грустить нашъ падишахъ? безпрестанно вопрошали визири другъ у друга. Не думаетъ ли онъ идти войною на сосѣднія царства, чтобы удесятерить число подданныхъ? Но нѣтъ, потому что не приказано было приготовляться къ походу. Прошелъ годъ. Однажды султанъ приказалъ глашатаямъ собрать на дворцовую площадь народъ, съ которымъ желалъ поговорить лично. Народъ посѣшиль собраться. Когда сообщили объ этомъ падишаху, онъ не замедлилъ выйти къ нимъ и, заплакавъ, пожаловаться на несчастную судьбу свою, лишившую его наследника престола.—Любезные мои вѣрноподанные—добавилъ онъ—еслибъ между вами нашлся человѣкъ, могущій помочь мнѣ, я съ удовольствіемъ отдалъ бы ему половину царства моего. Народъ молчалъ. Султанъ нѣсколько минутъ стоялъ неподвижно, но не получивъ отвѣта, возвратился во дворецъ и, призвавъ великаго визири, приказалъ ему приготовляться къ отдаленному путешествію.— Я хочу объѣхать весь міръ — сказалъ падишахъ — въ надеждѣ отыскать медика, способнаго помочь горю моему.— Да будетъ воля твоя, султанымъ—отвѣчалъ преданный министръ и вышелъ выполнить приказаніе повелителя своего. Къ вечеру падишаха не было уже въ городѣ. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, но увы, государь, не нашедъ средства помочь скорби своей, возвращался уже домой съ убійственною тоскою.— Визирь — сказалъ онъ — мнѣ хочется поѣсть чего-нибудь. Прикажи людямъ моимъ остановиться здѣсь подъ деревомъ и накрыть столъ. Всѣ остановились и поданъ былъ завтракъ. Только что произнесъ султанъ молитву и протянулъ руку къ хлѣбу, какъ предъ нимъ очутился убѣленный сѣдинами старикъ.— Здравствуй,

владыка—сказаль онъ—да продлится благоденствіе твое!—Прощу садиться за столъ—сказаль султанъ съ обыкновенною грустью.—Я пришелъ къ тебѣ не за пищею, а изъ желанія узнать причину твоей вѣчной тоски.—Охъ, еслибъ ты зналъ, почтенный старикъ, какъ мнѣ надоѣло каждому объяснять это.—Скажи, султанымъ *), повторилъ странникъ—авось у меня найдется (*дердине дерманъ* **) противъ недуга твоего хорошее средство. Султанъ вздохнулъ и приказаль министру разсказать причину горя своего.—Я не ошибся, государь—отвѣчалъ сѣдой факирь, выслушавъ визиря—что могу быть полезнымъ тебѣ. Изволь принять это яблоко отъ меня. Когда ты возвратишься домой, разрѣжь его на три части: одну скушай самъ, другую отдай женѣ своей, а третью накорми одну изъ молодыхъ кобылицъ, стоящихъ въ твоей конюшнѣ. У тебя непременно родится сынъ, но только не забывай одного, что кромѣ меня никто не долженъ дать имени новорожденному. Султанъ принялъ яблоко и, улыбнувшись, положилъ его въ карманъ. Онъ обѣщаль выполнить сказанное буквально и если только, дѣйствительно, средство его окажется вѣрнымъ, непременно ожидать его для наименованія ребенка. Дервишъ поклонился и исчезъ. Что-жъ оказалось? Чрезъ 8 мѣсяцевъ и 10 дней у султана, дѣйствительно, родился сынъ. Два мѣсяца спустя и кобылица, получившая частицу яблока, также ожеребилась. Радость царя и всей фамиліи его была безгранична. Всѣ нищіе, вдовы и сироты щедро были награждены, а войска пировали на славу. Послѣ этого радостнаго событія прошло три мѣсяца; между тѣмъ новорожденный царевичъ не получаль никакого имени. Жители столицы начали негодовать на султана. Освѣдомленный объ этомъ, Шейхъ-ислямъ (глава духовенства) отправился къ падишаху и передалъ ему требованіе народа. Султанъ принужденъ былъ отвѣчать, что завтра же исполнить этотъ обрядъ. На слѣдующій день собрался народъ на дворцовую площадь и ожидалъ исполненія обѣщанія царя; но султанъ сидѣлъ въ глубокомъ раздумьи; какъ вдругъ предъ нимъ очутился таинственный дервишъ.—*Селямъ-алейکمъ!*—сказаль онъ.—А, благодѣтель мой—сказаль султанъ, бросаясь къ нему на шею. Ты вторично спасаешь меня, потому что я сегодня, по требованію Шейхъ-ислама и народа, долженъ былъ наименовать своего сына безъ тебя. Очень радъ, что ты явился во время. Дервишъ приказаль подать ему новорожденнаго и, принявъ младенца на руки, поднявъ къ небу и назваль Шахъ-Смаиломъ. Потомъ, ударивъ ребенка три раза по спинѣ, произнесъ громкогласно: „да не преклонится спина твоя предъ силою людей“. Послѣ этого онъ пригласилъ султана на конюшню взглянуть на жеребенка и, погладивъ его, сказаль: „да будетъ имя твое Хамеръ-тай и да не догонитъ тебя ни единая птица небесная“. Сказавъ это, святой человекъ исчезъ. Пораженный внезапнымъ исчез-

*) Т. е. мой султанъ.

**) Т. е. противъ яда, антидотъ.

новеніемъ дервиша, которому онъ приготовлялся подарить половину царства своего, султанъ долго стоялъ въ размышленіи. Ему хотѣлось постигнуть: кто былъ въ образѣ факира: добрый или злой духъ? но мысль, что онъ имѣетъ наслѣдника, вскорѣ разсѣяла въ немъ любознательность и онъ спокойно возвратился въ чертоги свои.

Шахъ-Смаиль съ каждымъ днемъ дѣлался все лучше и лучше. Когда же ему совершилось 5 лѣтъ, отецъ, желая сдѣлать его серьезнымъ и грознымъ царемъ, выстроилъ для него небольшой дворецъ, куда заключивъ ребенка, строго приказалъ, чтобы принцъ ни съ кѣмъ болѣе не встрѣчался, кромѣ опредѣленнаго къ нему наставника. Присмотрѣвъ же за Хамеръ-таемъ порученъ былъ опытному наѣзднику также съ условіемъ никогда не выводить на дворъ.

Въ такомъ безвыходномъ и одинокомъ положеніи находился Шахъ-Смаиль до 18-ти лѣтняго возраста. Какъ вдругъ однажды султану донесли, что сынъ его третій день отказывается отъ пищи и не хочетъ вставать съ постели. Опечаленный государь не замедлил навѣстить больного, но царевичъ не отвѣчалъ ни слова на разспросы его. Отчаянная скорбь снова посѣтила царствующую семью и снова на базарныхъ площадяхъ закричали глашатаи, объявляя о несчастіи, постигшемъ султана и вызывая споспобныхъ знахарей и медиковъ. Городскіе пьяницы, узнавъ, что царевичъ заболѣлъ душевною болѣзнію, рѣшились также попытать свое счастье.—Султанымъ—сказали они, прикажи отпустить намъ нѣсколько боченковъ лучшихъ напитковъ и передай въ нашу компанію твоего сына. Мы быстро разузнаемъ, въ чемъ состоитъ его недугъ.—Хорошо, да будетъ по вашему! отвѣчалъ падишахъ и визири поспѣшили исполнить ихъ требованіе. Пьяницы вывели Шахъ-Смаила въ тѣнистый садъ и, посадивъ его между собою, начали по очереди угощать другъ друга хмѣльными напитками. Царевичъ старался избѣгнуть угощенія, но отъ пьяницъ не было возможности отдѣлаться. Черезъ минуту чарка снова посѣтила его. Наслѣдникъ престола почувствовалъ нѣчто въ родѣ пробужденія. Ну, господа—сказалъ одинъ изъ пьяницъ, обращаясь къ товарищамъ—теперь, когда мы подкрѣпили силы наши, каждый изъ насъ обязанъ рассказать все то, что случилось съ нимъ въ послѣднее время. Первый пьяница сейчасъ началъ рассказывать небывалыя приключенія; второй выдумалъ рядъ несчастій, постигнувшихъ его, а третій, вздохнувъ сказалъ:—Нѣтъ господа я гораздо больше вашего страдалъ и страдаю: представьте и увидѣлъ женщину такой неестественной красоты, что положительно одурѣлъ отъ ея взгляда. Съ той поры мнѣ не хочется ни ѣсть, ни пить: я просто умираю отъ жажды вторично встрѣтить это чудо красоты. Выслушавъ послѣдняго пьяницу, Шахъ-Смаиль тяжело вздохнулъ. Обрадованные товарищи не замедлили сообщить объ этомъ султану, а сами потребовали и отъ него признанія.—Друзья мои—отвѣчалъ царевичъ—моя болѣзнь подобна болѣзни одного изъ васъ. Нѣсколько дней тому назадъ я видѣлъ во снѣ какую-

то молодую дѣвицу по имени Гулюзарь-ханымъ. Она такъ очаровала меня своею невыразимою красотою, что я умру съ голоду, если только отецъ мой не предоставитъ мнѣ возможности отыскать ее. Шахъ-Смаиль вздохнулъ и опустилъ голову на грудь. Естественно, что пьяницы передали это сознаніе отцу и султанъ пришелъ къ сыну съ обѣщаніемъ, что онъ, сегодня же, пошлетъ во все концы своихъ владѣній нарочныхъ развѣдать: существуетъ ли такая дѣвица и гдѣ именно. Царевичъ ожилъ и послѣдовалъ за отцомъ во дворецъ. И, дѣйствительно, въ тотъ же день сотни курьеровъ полетѣли по различнымъ направленіямъ обширнаго царства; но по прошествіи трехъ мѣсяцевъ, когда они возвратились, оказалось, что дѣвицы по имени Гулюзарь нигдѣ нѣтъ и что никто не слыхалъ о существованіи ея. Сообщение это сильно опечалило царевича, положительно вѣрившаго въ существованіе этой особы. Прошло еще нѣсколько времени. Однажды Шахъ-Смаиль пришелъ къ отцу съ просьбою, дозволить ему одѣться въ присвоенный ему царскій нарядъ и проѣхать по городу на Хамерь-таѣ. Султанъ охотно согласился, но чтобы воспрепятствовать пуститься въ поиски Гулюзарь-ханымши, онъ отдалъ приказаніе замкнуть все городскія ворота. Тѣмъ временемъ Шахъ-Смаиль приблизился къ грозному Хамерь-таю. Конюхъ ужасно боялся его, чтобы онъ не убилъ царевича, но каково же было удивленіе его, когда животное начало лизать ему руки и преклонилось на колѣни. Принцъ вскочилъ къ нему на спину, что-то шепнулъ на ухо и исчезъ изъ виду. Насталъ вечеръ и ночь прошла, а царевичъ не возвращался. Тогда несчастный султанъ понялъ, что сынъ его самъ поѣхалъ отыскивать видѣнную во снѣ красавицу. Прошелъ мѣсяцъ и другой безъ всякаго извѣстія. Между тѣмъ Шахъ-Смаиль мчался чрезъ горы и лѣса, болота и рѣчки, не встрѣчая людей. Наконецъ онъ остановился и, обращаясь къ окружающей природѣ, громкимъ голосомъ заплѣлъ:

Самъ не знаю, куда направленъ мой полетъ.

Лѣса, горы, скалы и поляны,

Не можете ли вы указать мнѣ вѣрный путь

Къ жилищу прелестной Гулюзарь ханымъ?

Плачевный голосъ его затихъ, но отвѣта не послѣдовало. Горько стѣснилось сердце Шахъ-Смаила и снова онъ поѣхалъ, куда глаза глядятъ, ѣхалъ, ѣхалъ и опять, утомленный, заплѣлъ:

Самъ не знаю, куда я ѣду,

Ахъ поляны сжалътеся надо мною:

Скажите мнѣ что-нибудь о прекрасной Гулюзарь!

Но, увы, и здѣсь не послѣдовало отвѣта. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, юноша снова пустился въ путь, оглашая пустыню вопросительными пѣснями; но никто и ничто не отвѣчало ему. Оскорбленный всеобщимъ невниманіемъ къ нему природы, царевичъ съ раздирающею сердце грустью заплѣлъ:

Не знаю, въ Эмевъ или Индіи она

И тѣтно слезы выступаютъ изъ глазъ моихъ,

Утомленный, я спрашивал у травы зеленой;
Не видѣла ли, травка, ты мою милую?
Не знаю, въ Египтѣ ли она или Китаѣ,
Ахъ, она погубила мою юность!
Я допрашивалъ лѣса и скалы
Не видали-ль они моей милой?
Останавливалъ я на лету, и журавлей
И у нихъ спрашивалъ про нее;
Но никто не давалъ мнѣ отвѣта.
Останавливался я и предъ лозою винограда,
И ее я спрашивалъ; спрашивалъ я
И у дорогъ вьющихся вдали отъ меня,
Но вездѣ встрѣчалъ мертвое молчаніе.

На другой день Шахъ-Смаиль направился въ дремучій лѣсъ, виднѣющийся вдали и очутился предъ крѣпостною стѣною, у которой не оказалось воротъ. Царевичъ зашѣлъ къ ней:

Стѣна прекрасная, стѣна высокая,
Я не знаю, кто строилъ тебя;
Но, быть можетъ, ты скрываешь за собою Гулюзаръ,
Скажись же надо мною и пропусти меня.

Отвѣта не было. Тогда оскорбленный невниманіемъ произведенія человѣческихъ рукъ, Царевичъ вынулъ изъ за пояса саблю, разсѣкъ пополамъ крѣпость и вступилъ въ великолѣпный садъ, внутри котораго красовался громадный дворецъ. Приблизившись къ зданію, Шахъ-Смаиль замѣтилъ у окна женщину поразительной красоты, чesавшую длинные, золотистые, волосы. Пустивъ Хамеръ-тая, онъ рѣшился войти во дворецъ, но въ немъ также не оказалось дверей. Вдругъ предъ нимъ открылось окно и чудный голосъ зашѣлъ:

Скажи мнѣ, кто ты, вошедшій во дворецъ,
Куда никто другой не проникалъ?
Не ангель-ли ты небесный,
Посланный утѣшить меня въ одиночествѣ?
Или ты Израиль, желавшій мою душу?
О, если ты ангель, поражающій людей,
Мнѣ будетъ очень грустно
И слезы хлынуть изъ глазъ моихъ!

Шахъ-Смаиль отвѣчалъ ей:

Напрасно ты боишься меня,
Я странникъ, случайно зашедшій.
Дозволь же мнѣ спросить:
Кто ты, красавица молодая?

Д ѣ в и ц а.

Меня именуютъ Гульбери.
Я знаю, что ты любишь добродѣтель,
Такъ выслушай же, джигитъ,
Что у меня много горя на сердце.

Шахъ-Смаиль.

Мнѣ хотѣлось бы знать твои мученія
И причины одолѣвающей тоски.
Если ты потребуешь сто человѣкъ въ жертву
Я охотно съ ними буду жертвою твоею.

Гульбери.

У меня нѣтъ давно утѣшенія
И давно не высыхаютъ слезы на глазахъ,
Къ непріятелю сильному
Я послала семь братьевъ моихъ.

Пропѣвъ это, красавица опустила занавѣсъ и исчезла. Тогда Шахъ-Смаилъ выломалъ отверстіе въ стѣнѣ дворца и проникъ во внутренность таинственнаго жилища. Гульбери вышла къ нему на встрѣчу и, потупя взоръ, просила садиться.—Ты мнѣ говорила—сказалъ Шахъ-Смаилъ, что изъ за тебя ведутъ войну твои братья. Желая имъ помочь, я пришелъ спросить у тебя, гдѣ именно происходитъ эта война? Прекрасная дѣвица подвела его къ окну и указала на облака дыма, стоящаго на горизонтѣ.— Прекрасно, я сейчасъ же поѣду къ нимъ, но предварительно, прошу тебя, накорми меня, потому что я очень проголодался. Гульбери не замедлила услужить прекрасному царевичу, который, поблагодаривъ ее, сѣлъ на Хамеръ-тая и исчезъ въ лѣсу. На другой день, герой нашъ прибылъ къ мѣсту страшной битвы семи братьевъ Гульбери, воюющихъ съ безчисленными массами войскъ какого-то могущественнаго падишаха. Выждавъ минуту прекращенія боя, Шахъ-Смаилъ, чтобы опредѣлить вѣрнѣе силы противниковъ, рѣшился зайти къ нимъ съ предложеніемъ услугъ своихъ. Оказалось, что противъ семи братьевъ воевало три державы. Услышавъ заявленіе Шахъ-Смаила, три царя улыбнулись и отвѣчали ему, что услуги одного человѣка, въ такой массѣ воиновъ, не имѣютъ никакого значенія. Оскорбленный дерзкимъ отвѣтомъ царей, царевичъ съ двойнымъ желаніемъ мести отправился къ братьямъ Гульбери, которые приняли его съ распростертыми объятіями. На слѣдующій день, снова начался бой. Убійственный мечъ Шахъ-Смаила въ нѣсколько часовъ истребилъ всѣхъ воиновъ трехъ царей, отказавшихъ ему въ услугѣ. Удивленные братья, которымъ приходилось сдаться въ непродолжительномъ времени, не знали, какъ благодарить чужестранца и начали предлагать ему деньги; но, когда Шахъ-Смаилъ сказалъ имъ, что онъ сынъ богатѣйшаго и сильнѣйшаго въ мірѣ султана, семь братьевъ преклонили предъ нимъ колѣни и начали просить удостоить ихъ чести своимъ посѣщеніемъ. Царевичъ, изъявивъ согласіе погостить у нихъ, не скрывъ того, что раньше знакомства съ ними, видѣлся съ Гульбери и, по ея словамъ, явился къ нимъ въ качествѣ союзника. Шахъ-Смаилъ снова прибылъ къ Гульбери, которая не знала, чѣмъ и какъ выразить ему благодарность за освобожденіе братьевъ отъ предстоящаго плѣна.—Проживъ въ замкѣ ея около мѣсяца, братья, въ предположеніи доставить удовольствіе гостю своему, предложили ему жениться на сестрѣ ихъ.—Очень радъ—отвѣчалъ герой нашъ—ваша сестра мнѣ очень нравится. Сказавъ это, онъ не мечталъ, что братья пригласятъ сегодня же духовника и повѣнчаютъ его. Сдѣлавшись законнымъ му-

жемь прекрасной Гульбери, Шахъ-Смаиль хотя и заперть былъ съ нею въ отдѣльную комнату, но не рѣшился допустить ее до своей постели. На утро царевичъ простился съ женою и братьями ея, объяснивъ, что если онъ чрезъ годъ не возвратится, то Гульбери властна выбрать себѣ другаго мужа. И снова онъ помчался въ невѣдомую даль въ предположеніи отыскать Гулюзаръ-ханымъ. Долго, долго онъ ѣхалъ. Наконецъ, утомленный, остановился на отдыхъ въ мрачной пустынѣ. Не успѣлъ онъ прилечь, какъ предъ нимъ явился арапъ и сказалъ: прекрасный юноша, что за неволя занесла тебя въ эту ужасную страну? Спѣши бѣжать отсюда, не то ты погибнешь отъ руки неумолимаго господина моего, которому не достаетъ только одной человѣческой головы для окончанія крѣпости.—Въ такомъ случаѣ любезный другъ—отвѣчалъ царевичъ съ улыбкою—возвратись къ господину своему и скажи, что я прошу у него немного пищи для подкрѣпленія силъ моихъ, иначе бой нашъ не будетъ равенъ. Арапъ исчезъ. Часъ спустя онъ возвратился съ золотымъ блюдомъ, наложеннымъ до краевъ великолѣпно-развареннымъ пиларомъ. Шахъ-Смаиль принялъ отъ него блюдо, но предварительно провелъ по рисовымъ зернамъ своею саблею, которая быстро почернѣла.—Прими обратно отраву—сказалъ царевичъ—и скажи господину твоему, что онъ гнусный человѣкъ. Но не успѣлъ онъ произнести своей фразы, какъ предъ нимъ явился грозный властитель пустыни, съ обнаженнымъ мечемъ. Берегись! закричалъ онъ издали. Шахъ-Смаиль вскочилъ на ноги и въ одну секунду обезоружилъ его. Навшій храбрецъ простеръ къ нему руки, умоляя о пощаду. Какъ только царевичъ согласился помиловать его, онъ сбросилъ съ себя одежду и предъ нимъ очутилась дѣвица величественной красоты, которая назвала себя Гузель-батыръ (т. е. прекрасный богатырь). Шахъ-Смаиль очень радъ былъ, что помиловалъ ее и охотно согласился прогостить у ней нѣсколько времени. Гузель-батыръ, которой чрезвычайно понравился нашъ богатырь, употребляла всевозможныя усилія задержать его у себя, но царевичъ въ одно прекрасное утро явился къ ней съ тѣмъ чтобы проститься навсегда.

— Нѣтъ этого не будетъ—отвѣчала Гузель-батыръ—я рѣшилась быть неразлучнымъ другомъ твоимъ до смерти.—И готова содѣйствовать мнѣ въ отысканіи прекраснѣйшей изъ дѣвицъ міра Гулюзаръ-ханымъ?—Да—отвѣчала она. И поѣхали они вмѣстѣ. Долго, долго они скакали по безпредѣльнымъ пространствамъ и наконецъ изнеможенные прибыли въ обширный городъ, гдѣ остановились въ лачужкѣ одной бѣдной женщины. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, Шахъ-Смаиль завелъ разговоръ съ хозяйкою и между прочимъ спросилъ у нея, не знаетъ ли она дѣвицы, извѣстной подъ именемъ Гулюзаръ-ханымъ.—Какъ не знать—отвѣчала старушка—эта дѣвица, дочь нашего султана, которую считаютъ первою красавицею міра, но къ чему тебѣ знать объ этой особѣ, которой свадьба заканчивается сегодня.—Неужели? спро-

силъ съ ужасомъ царевичъ. Минуту спустя онъ предложилъ хозйкѣ своей нѣсколько десятковъ червонцевъ, съ просьбою, чтобы она употребила всевозможныя средства добраться до этой дѣвицы и объявить ей, что изъ отдаленныхъ странъ свѣта прибылъ за нею Шахъ-Смаиль, сынъ могущественнаго въ мѣрѣ султана. Старушка, заинтересованная золотомъ, немедленно набросила на себя разорванную чадру и отправилась во дворець. Нѣсколько времени спустя она возвратилась и сообщила Шахъ-Смаилу, что Гулюзаръ чрезвычайно обрадовалась его прїѣзду и приказала объявить, чтобы онъ въ полночь явился къ главнымъ воротамъ дворца, куда она выйдетъ къ нему. Шахъ-Смаиль извѣстилъ объ этомъ Гузель-батыръ и они отправились къ мѣсту назначенія свиданія. Въ условленное время, дѣйствительно, явилась Гулюзаръ-ханымъ и крикнула: гдѣ здѣсь Шахъ-Смаиль? Царевичъ подскочилъ къ ней и, сказавъ нѣсколько словъ, схватилъ ее на сѣдло и скрылся въ туманной отдаленности. Гузель-батыръ не отставала отъ нихъ. Нѣсколько часовъ спустя Шахъ-Смаиль остановился на отдыхъ и, положивъ голову на колѣно неподобной невѣсты своей, заснулъ богатырскимъ сномъ. Какъ вдругъ Гулюзаръ замѣтила на небосклонѣ пыльное облако и затѣмъ начала различать конницу, посланную отцомъ ея въ погоню за бѣглею.— Мы погибли—сказала она, обращаясь къ Гузель-батыръ, не желая нарушать прїятнаго сна друга.

— Не буди его теперь—отвѣчала подруга, въ моментъ передѣвшаяся въ костюмъ воина—но если я не совладаю съ неприятелемъ тогда не теряй дорогой минуты. Сказавъ это, Гузель вскочила на коня и въ нѣсколько прыжковъ достигнула до неприятеля, котораго безпощадно начала поражать. Новыя массы войска замѣняли погибшихъ. Гулюзаръ не вытерѣла и заплѣла тихимъ голосомъ:

Туманомъ покрылась дорога Инда,
Проснись, милый другъ, проснись скорѣй!
Всѣ четыре стороны закрыты мракомъ
Проснись, милый другъ, проснись скорѣй!
Эти войска плывутъ массамаи,
Чтобы напиться твоей крови;
Но что сдѣлаютъ тысячи лисицъ одному льву?
Проснись, милый другъ, проснись скорѣй!
Они ужъ послали извѣстие,
Чтобы новыя прибыли друзья,—
Вѣрно узнали въ Гузель-батыръ Арашъ-зенги.
Проснись же, милый, проснись скорѣй!

Но Шахъ-Смаиль продолжалъ спать. Вдругъ Гулюзаръ замѣтила, что Гузель-батыръ одновременно поразила на смерть двухъ ея братьевъ. Красавица невольно прослезилась. Теплая слеза ея упала на щеку Шахъ-Смаила и заставила его вскочить на ноги.— Что это обожгло меня? спросилъ онъ. Пока Гулюзаръ объяснила въ чемъ дѣло, а Шахъ-Смаиль поймалъ Хамеръ-тая, Гузель-батыръ успѣла разогнать неприятельскія войска и возвратиться къ друзьямъ. Герой нашъ въ знакъ благодарности за спасеніе его

отъ плѣна общалъ жениться и на ней. Недѣлю спустя счастливые любовники прибыли къ семи братьямъ—богатырямъ. Гульбери была въ восторгѣ, что мужъ ея достигъ желанія и что теперь онъ не разстанется и съ нею. Предположеніе ея сбылось, потому что Шахъ-Смаиль, прощаясь съ братьями, объявилъ, что теперь онъ возвращается домой и слѣдовательно долженъ взять съ собою и сестру ихъ. Братья прослезились и проводили Гульбери до половины своихъ владѣній. Ровно чрезъ мѣсяць Шахъ-Смаиль, въ сопровожденіи трехъ первѣйшихъ красавицъ міра, прибылъ въ отечественный городъ. Радость султана и его жены были безпредѣльны. На слѣдующій же день герой нашъ былъ законнымъ мужемъ Гулюзарь-ханымъ и Гузель-батырши и переселился въ обширный дворець, воздвигнутый отцомъ во время отсутствія его. Весело и отраднo жилось ему съ тремя добрыми женами; но вотъ однажды Шахъ-Смаиль замѣтилъ, что Гулюзарь чего-то скорбитъ. Царевичъ началъ допрашивать ее и узналъ, что отецъ его влюбился въ нее и умоляетъ, чтобы она дозволила ему придти къ ней во время отсутствія мужа.

Обстоятельство это смутило Шахъ-Смаила, но, зная преданность къ себѣ Гулюзарь онъ сдѣлалъ нѣсколько наставленій, какъ обходиться со старикомъ, а самъ положился не выходить изъ дому. Такимъ образомъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Однажды Шахъ-Смаиль сидѣлъ съ женами въ саду, какъ вдругъ явился посланный отъ султана.—Васъ проситъ государь—сказалъ онъ. Царевичъ приказалъ сказать, что сейчасъ явится. Когда посланный ушелъ, Гульбери подошла къ мужу и сказала:—Знаешь ли ты, что отецъ твой замышляетъ тебя убить. Я сегодня посмотрѣла въ мое волшебное зеркальце и открыла, что онъ по дорогѣ отъ нашего дворца вырылъ глубокую яму съ цѣлью, чтобы ты провалился въ нее. Яма эта такъ мастерски прикрыта, что нѣтъ возможности подозрѣвать опасности. Берегись же, не попасть въ нее сегодня.—Какимъ же образомъ я долженъ идти, чтобы избѣгнуть гибели?—Я прикажу моей собачкѣ провести тебя. Шахъ-Смаиль, шедшій по слѣдамъ животнаго благополучно прошелъ къ отцу и, поговоривъ съ нимъ о государственныхъ дѣлахъ, возвратился къ себѣ по тропинкѣ, указанной ему собачкою Гульбери. Естественно, что султанъ очень былъ недоволенъ неудачею и рѣшился прибѣгнуть къ болѣе вѣрному средству. На слѣдующій день падишахъ пригласилъ сына къ себѣ на обѣдъ, Узнавъ объ этомъ, Гульбери обратилась къ своему зеркальцу и открыла, что султанъ рѣшился отравить ея мужа за своимъ столомъ. Сообщивъ это Шахъ-Смаилу, она предложила ему кушать только то, что возьметъ въ ротъ собачка ея. Исполнивъ буквально совѣтъ преданной жены, царевичъ возвратился домой совершенно здоровымъ. На третій день султанъ, встрѣтивши сына своего на дворѣ, пригласилъ его поиграть въ шахматы. Царевичъ, забывъ про его замыслы, охотно послѣдовалъ за нимъ.—На что же будемъ играть? спросилъ Шахъ-Смаиль.—Кто проиграетъ, тотъ будетъ связанъ—

отвѣчалъ отецъ. Шахъ улыбнулся и началъ игру. Султанъ проигралъ восемь игръ и ужасно началъ сердиться. Царевичъ, желая успокоить отца, рѣшился и въ свою очередь проиграть ему; но какъ только онъ проигралъ первую игру, султанъ потребовалъ веревки и приказалъ его перевязать. Сынъ взглянулъ на отца, но, чтобы не оставаться въ дуракахъ предъ чужими, которыхъ отецъ началъ сзывать, онъ махнулъ руками и веревки обратились въ клочки.—О, да какой ты силачъ, мой милый сынъ! сказала султанъ.—Мнѣ нѣтъ равнаго по силамъ въ цѣломъ мѣрѣ—отвѣчалъ Шахъ-Смаиль.—Въ чемъ же именно заключается твоя сила?—Вы быть можетъ не повѣрите, если я скажу въ мезинцѣ правой руки. Стоитъ только перевязать этотъ палецъ и я сдѣлаюсь слабѣ ребенка.—Не можетъ быть, ты обманываешь отца! Шахъ-Смаиль, чтобы убѣдить его дозволилъ испытать. Лишь только убѣдился въ этомъ султанъ, сейчасъ же потребовалъ палачей и, приказавъ имъ ослѣпить сына своего, повелѣлъ вывести его въ пустыню и бросить въ первый глубокой колодезь.

Султанское повелѣніе выполнено было въ точности, и такъ быстро, что ни одна изъ вѣрныхъ подругъ царевича не могла узнать о судьбѣ внезапно исчезнувшаго мужа. Избавившись такимъ образомъ отъ сына, султанъ сейчасъ же потребовалъ къ себѣ Гулюзаръ, но она отвѣчала, что никого не слушается, кромѣ мужа. Оскорбленный дерзкимъ отвѣтомъ женщины, падишахъ поручилъ привести ее насильственнымъ образомъ. Однако посланные погубили отъ руки Гузель-багтырь; султанъ удвоилъ число слугъ, но и эти не возвратились. Таже участь постигла сотни и тысячи другихъ посылаемыхъ. Тѣмъ временемъ несчастный Шахъ-Смаиль, ослѣпленный и, къ счастью, брошенный въ пустой колодезь, томился ужасною скорбью и голодомъ. Однажды утромъ онъ услышалъ надъ головою какіе-то голоса. Это былъ разговоръ двухъ пролетающихъ птицъ. Одна изъ нихъ, увидѣвши несчастнаго царевича, сказала: „Какъ жаль этого бѣдняжку: мнѣ ужасно хотѣлось бы помочь ему, да не знаю, какъ поступить. Еслибъ онъ принималъ нашъ языкъ, я опустила бы ему мое перушко и посоветовала бы прикоснуться имъ къ глазамъ своимъ, чтобы прозрѣть. Если ты, дѣйствительно, желаешь изцѣленія его, отвѣчала вторая то опусти къ нему перо свое, авось онъ случайно прикоснется имъ къ глазамъ. Птица вырвала изъ спины блестящее перо и опустила его прямо на голову слѣпца, который, быстро схвативъ его, прижалъ къ глазамъ своимъ. Черезъ минуту онъ видѣлъ, какъ и прежде. Развязавъ перепутанный мезинецъ, онъ поспѣшилъ выкарабкаться изъ колодца и направился домой; но прежде, чѣмъ онъ вступилъ въ столицу, султана извѣстили о томъ, что сынъ его исцѣлился какимъ-то чудомъ и подходитъ къ столицѣ. Падишахъ выслалъ противъ него всѣ свои войска. Повстрѣчавъ ихъ Шахъ-Смаиль сражался до тѣхъ поръ, пока не осталось ни одного врага и пока, не схвативъ въ плѣнъ отца своего, не привелъ его въ городъ и, собравъ всѣхъ министровъ и духовенство, не

передалъ его на судъ народа, который осудилъ его къ смертной казни. Послѣ этого, Шахъ-Смаиль, подошедъ къ дворцу, гдѣ скрывались его жены, зашѣлъ:

Съ прїѣздомъ, новая жизнь!
На путь покоя не легко ты вышелъ,
Несчастный шахъ-Смаиль!
Но всѣ мои страданія забудутся,
Когда я вспомню про красоту твою,
Моя прекрасная Гулюзаръ-ханымъ!
Съ прїѣздомъ, радость новая моя,
Здравствуй, милая сестрица семи богатырей,
И ты, неоцѣненный другъ, Гузель-батырь.
Васъ всѣхъ я буду вѣчно любить,
Неоцѣненные друзья мои!

Не успѣлъ онъ окончить пѣсни, какъ двери дворца отворились и вѣрныя подруги бросились къ нему съ распростертыми объятіями.

На слѣдующій день шахъ-Смаиль вступилъ на престолъ и приказалъ возвѣстить это подданнымъ пушечными выстрѣлами и сорока-дневнымъ празднествомъ по всѣмъ городамъ и деревнямъ.

Сейфиль-мюлькль.

Какъ хорошо небо Египта въ тихій день при сіяніи солнечныхъ лучей надъ Ниломъ, такимъ былъ и одинъ изъ древнѣйшихъ калифовъ этой страны султанъ Магмутъ. Какъ нельзя сочесть небесныхъ звѣздъ, такъ нельзя было сочесть золотыхъ червонцевъ и дорогихъ жемчужинъ этого всемогущаго повелителя, предъ блескомъ глазъ котораго трепетали самые кровожадные звѣри песчаныхъ пустынь. У славнаго этого калифа была одна только странная привычка: онъ готовъ былъ два дня ни цитъ и ни ѣсть, если кто начиналъ рассказывать свои или чужія интересныя приключенія. Онъ вслушивался въ каждое слово разсказчика, вздрагивалъ, улыбался и всегда оказывалъ благоволеніе такимъ счастливымъ, которые заставляли его вслушивать себя. Лишь только узнали объ этомъ любители разсказовъ, начали безцеремонно являться къ одному изъ оконъ серая, гдѣ постоянно сиживалъ калифъ и громко декламировали затверженные наизусть повѣствованія. Султанъ слушалъ ихъ съ свойственнымъ ему увлеченіемъ и всегда почти награждалъ краснорѣчивыхъ тысячею червонцами. Когда сообщили о такой щедрости падишаха преданнѣйшему изъ министровъ его Хиваджи Асану, то онъ не замедлилъ явиться предъ свѣтлыя очи повелителя и высказать, что такая безплодная трата денегъ можетъ повергнуть государство въ неблаговидное состояніе. Отъ замѣчанія этого султанъ пришелъ въ негодованіе, но такъ какъ онъ сознавалъ, что не могъ царствовать съ такою славою безъ Хиваджи Асана, то сдержавшись отъ ярости, вскрикнулъ: „ай, Хиваджи, развѣ ты

не знаешь, что это мнѣ доставляетъ самое высокое удовольствіе? Для чего-же создано золото, какъ не для того, чтобы приобрѣтать удовольствія и награждать преданныхъ и способныхъ подданныхъ? Клянусь тебѣ, что еслибъ ты занялъ меня такъ своимъ разсказомъ, какъ сегодняшній байгушъ (скиталець), то я охотно подарилъ-бы тебѣ 100 т. червонцевъ, пару лучшихъ жеребцовъ изъ моихъ конюшенъ и люблю провинцію.

Хиваджи Асанъ, выслушавъ повелителя, рѣшился во чтобы ни стало отыскать такую повѣсть, лучше и интереснѣе которой не могъ-бы придумать ни одинъ изъ сказачниковъ Египта. Этимъ средствомъ онъ мечталъ сохранить золото своего добраго падишаха.

— Надѣюсь, повелитель мой—отвѣчалъ онъ почтительно—что вы не забудете словъ своихъ, когда я найду возможность превзойти всѣхъ краснорѣчивыхъ искателей приключеній вашего царства.

— По крайней мѣрѣ я буду ожидать твоего обѣщанія въ теченіи года, но помни при этомъ, что послѣ этого срока я не стану держать около себя такихъ слугъ, которые сами не умѣютъ служить своимъ господамъ и завидуютъ болѣе способнымъ. Съ этими словами калифъ удалился отъ преданнаго визиря.

Хиваджи Асанъ, возвратившись домой, созвалъ самыхъ расторопныхъ слугъ своихъ и повелъ съ ними рѣчь такого содержания.

— Дѣти мои, объявите мнѣ, кто изъ васъ обладаетъ болѣе утонченнымъ умомъ и способностію отыскать мнѣ такую повѣсть, которую чѣмъ больше будешь читать, тѣмъ больше станешь привязываться къ ней? При этомъ примите въ соображеніе, что достойнѣйшему дана будетъ награда въ 5 т. червонцевъ.

Изъ всѣхъ выступило 5-ть человекъ, которые, поцѣловавъ кончикъ фалды министра, обѣщали испытать свое счастье. Хиваджи Асанъ въ ту же минуту отпустилъ каждому въ незачетъ награды по двѣ тысячи червонцевъ и, пожелавъ имъ счастливаго пути во всѣ концы міра, приказалъ сейчасъ-же выѣхать въ тѣ страны, гдѣ искусство разсказывать интересныя исторіи и сказки доведено до совершенства, немислимаго въ Египтѣ.

Слуги по совѣщаніи между собою, избрали различныя направленія. Одинъ-же изъ нихъ и именно Абла направился на Индію. Мѣсяць спустя онъ прибылъ въ великолѣпный городъ Серендипомъ, утопающій въ роскошныхъ садахъ и благоухающій всевозможными нѣжнѣйшими ароматами цвѣтовъ. Не зная, гдѣ остановиться, онъ присѣлъ у городского фонтана и началъ дѣлать наблюденія, какъ вдругъ видитъ бѣгущаго молодаго человека.

— Куда ты такъ спѣшишь? спросилъ у него Абла.

— Къ намъ прибылъ знаменитый разсказчикъ — отвѣчалъ бѣгущій — и я не прошу себѣ, если утеряю случай послушать его.

— Гдѣ онъ находится теперь?

— На большой базарной площади.

Абла вновь вскочилъ на коня и послѣдовалъ за бѣгущимъ. Нѣсколько минутъ спустя онъ очутился на обширномъ плацѣ, усыпанномъ тысячами людей. Всѣ хранили глубокое молчаніе въ ожиданіи рѣчи прославленнаго иностранца, имѣвшаго обыкновеніе однажды въ годъ обходить сосѣднія царства.

— Что-же онъ не начинаетъ? спросилъ Абла у одного изъ стоявшихъ около себя.

— Сейчасъ должны прибыть царскіе министры—отвѣчалъ онъ.

И, дѣйствительно, нѣсколько минутъ спустя оратора обступили первые сановники государства и онъ началъ разсказывать такіа удивительныя событія, какихъ никто еще не слышалъ. Изумленный Абла затрепеталъ отъ удовольствія и рѣшился во что-бы ни стало переговорить съ нимъ относительно своей миссіи.

Когда разсказчикъ окончилъ и направился въ приготовленный ему конакъ, Абла остановилъ его поцѣлуемъ руки и заявилъ, что имѣетъ къ нему крайнюю просьбу.

— Слѣдуй за мною, сынъ мой—отвѣчалъ онъ—мы предварительно подкрѣпимъ наши силы пищею, а потомъ поговоримъ о дѣлахъ. Изъ какихъ ты странъ прибылъ?

— Я преданнѣйшій слуга великаго визиря египетскаго султана Магмута, равнаго которому по богатству нѣтъ въ мірѣ.

— Не господинъ-ли твой направилъ тебя въ эту страну?

— Онъ предоставилъ мнѣ самому ѣхать, куда я пожелаю, но съ тѣмъ, чтобы привести такую повѣсть, которая по содержанію превосходила-бы всѣ лучшіе разсказы египетскихъ сочинителей.

— А извѣстно-ли твоему господину, сколько надо заплатить за такой разсказъ?

— Онъ далъ мнѣ на дорогу изрядную сумму денегъ, которую я сохранилъ и отдамъ тебѣ, если ты удовлетворишь желанію моего повелителя.

— Пэ, пэ, пэ, ну, ужъ если я не угожу, то врядъ-ли достигнетъ этого кто другой. Скажи мнѣ, сынъ мой, можешь-ли ты дать мнѣ тысячу червонцевъ за такую повѣсть? Если да, то я поищу ее въ складахъ моей памяти, если-же нѣтъ, то Богъ съ тобой, поѣзжай дальше, авось найдешь болѣе дешевыхъ цѣнителей своего таланта.

— Отецъ мой, благодѣтель народа—вскрикнулъ Абла—я охотно отсчитаю тебѣ эту сумму, но только не осрами мою голову предъ господиномъ моимъ.

— Будь увѣренъ, что не только визирь, но и самъ великій калифъ не насладится перлами, которые посыплются изъ устъ моихъ. Сказавъ это, знаменитый разсказчикъ предложилъ Аблѣ передать лошадь завѣдывающему гостиннымъ дворомъ и зайти къ нему для окончательныхъ переговоровъ.

Исполнивши это приказаніе, Абла предсталъ предъ сіятельныя очи великаго оратора и вновь поцѣловалъ его руку.

— Да сохранить тебя Богъ—отвѣчалъ хозяинъ—и поможетъ

возвратиться къ мудрому господину твоему! Теперь садись, откушай со мною и открой настѣжь двери твоихъ ушей, чтобы не осталось ни одно изъ словъ моихъ за порогомъ. Я охотно отдамъ тебѣ только что написанную мною исторію величайшаго Сейфитъ-Мулькля, но не иначе какъ ты произнесешь клятву соблюсти неизмѣнно 6-ть условій. Соглашаешься-ли ты на это?

— Я соглашусь на все, что буду въ состояніи исполнить.

— Очень умно сказано. Теперь я вижу, что имѣю дѣло съ человѣкомъ, у котораго въ головѣ есть достаточное количество свѣжихъ мозговъ. Положи-же предо мною твое золото и приготовься къ клятвѣ.

Абла вывернулъ предъ нимъ кожаный мѣшокъ съ деньгами и поклялся всѣми святостями соблюсти всѣ условія.

Условія мои состоятъ въ слѣдующемъ: во первыхъ, взявши рукопись, ты не покажешь ее никому по дорогѣ; во вторыхъ не позволишь говорить о существованіи ея любознательнымъ поденщикамъ, чтобы они не отвлеклись отъ занятій, дающихъ имъ средства къ жизни; въ третьихъ никогда не рассказывать содержанія ея мечтательнымъ юношамъ; въ четвертыхъ не допускать къ чтенію ея такихъ, которые не умѣютъ отличить хорошее отъ дурнаго; въ пятыхъ скрывать ее отъ молодыхъ женъ, чтобы не ввести ихъ въ искушеніе; но всего важнѣе, чтобы о существованіи ея не знали взрослые дѣвушки. Понялъ?.. если да, то я не буду повторять сказаннаго.

— Аминь, аминь — отвѣчалъ Абла.

Послѣ этого святаго слова ораторъ растегнулъ свои одежды и вынулъ изъ навоенной сумки аккуратно написанную рукопись и подаль ее Аблѣ.

— Вотъ тебѣ драгоценность — сказалъ онъ. Я надъ составленіемъ ея трудился многіе годы и увѣренъ, что господинъ твой съумѣетъ ее передать въ цѣлости на удивленіе отдаленнымъ потомкамъ. Скажи ему, что я прошу это въ видахъ и его славы. Теперь ты можешь возвратиться съ миромъ. Дай Богъ тебѣ счастливаго пути!

Абла вновь приложился губами къ знаменитому человѣку и, пожелавъ ему безконечной жизни на радость людей, въ тотъ же день выѣхалъ изъ прелестнаго города Серендинома. Мѣсяць спустя, запыленный и изнуренный онъ предсталъ предъ очи своего господина и подаль ему добытую рукопись въ нѣсколькихъ шелковыхъ заверткахъ.

Хиваджи Асанъ молча началъ разворачивать дорогія матеріи и вдругъ вскрикнулъ отъ радости:

— Неужели тебѣ удалось найти описаніе приключеній славнаго Сейфитъ Мулькля?

— Да, повелитель мой, я былъ счастливъ встрѣтить сочинителя этой благоухающей повѣсти.

— И ты получилъ ее изъ собственныхъ его рукъ?

— Онъ пригласилъ меня къ своему обѣду и потомъ, снявъ ее съ груди, вручилъ мнѣ.

— Да, ты послѣ этого превзошелъ и меня и отнынѣ не долженъ быть ни чѣмъ слугою. Я прикажу выдать тебѣ столько золота, чтобы ты жилъ вполнѣ независимымъ и радовался до послѣднихъ минутъ жизни. Сказавъ это, министръ поцѣловалъ слугу своего въ оба глаза и сейчасъ же распорядился выдѣлить ему пятую часть своего состоянія.

Въ тотъ же день Хиваджи Асанъ извѣстилъ падишаха своего о великой находкѣ и просилъ его созвать всѣхъ ученыхъ и вельможъ послушать удивительныя приключенія Сейфиля султана. Калифъ внѣ себя отъ радости назначилъ первую пятницу для сбора въ сераль всѣхъ вельможъ.

Въ урочный часъ вступилъ въ огромную комнату Хиваджи Асанъ и, занявъ возвышенное мѣсто, началъ читать слѣдующее:

„Въ тѣ времена, когда въ благодатной странѣ Египта Ниль считалъ людей своими дѣтьми, а птицы, звѣри и животныя предупреждали всякое желаніе ихъ, царствовалъ Асымъ-Бене-Сафанъ, достигшій 1700 лѣтъ. Подобнаго падишаха ни по силѣ, ни по богатству, ни по щедрости не существовало съ того времени, какъ Богомъ созданъ міръ. Однако при всемъ этомъ онъ считалъ себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ и постоянно ходилъ съ опущенною на грудь головою. Въ чемъ состоялъ его недугъ или какая змѣя сосала его сердце, никто не зналъ и не смѣлъ спросить. Однажды Асымъ вынужденъ былъ принять поздравленіе отъ подданныхъ своихъ, по случаю важной побѣды, одержанной надъ многочисленными врагами. Всѣ вельможи приближались къ нему, цѣловали туфли и превозносили его мудрость. Какъ вдругъ у подножія его трона появился мальчикъ лѣтъ 10-ти и началъ говорить рѣчь такимъ сладкимъ и звучнымъ голосомъ, что султанъ сначала смотрѣлъ на него съ изумленіемъ, но потомъ громко зарыдалъ и въ безсиліи упалъ на полъ.

Всѣ присутствующіе съ ужасомъ разбѣжались, но министры, по обязанности, подбѣжали къ нему и на рукахъ перенесли въ другую комнату. На этотъ разъ великій визирь, давно подмѣчавшій горе въ душѣ повелителя своего, рѣшился поразспросить, что можетъ тяготить такого султана, по мановенію глаза котораго всѣ станутъ служить ему.

— Друзья мои—отвѣчалъ имъ Асымъ Сафанъ—не подумайте, что я не доволенъ вами или подданными моими. Вы всѣ служили мнѣ съ любовью и усердіемъ и я кромѣ благодарности и довольства ничего не могу чувствовать. Но, увы, меня гнететъ ужасное горе, которое не происходитъ отъ людей, но отъ божественнаго солнца, создавшаго землю и насъ всѣхъ. Я не могу постигнуть, чѣмъ я могъ оскорбить его, а между тѣмъ вотъ ужъ 1500 лѣтъ, какъ я приношу ему жертвы и пламенно молюсь даровать мнѣ хоть одного наслѣдника, которому я могъ бы передать мой наслѣдственный престоль съ тѣми сокровищами, которыя достались

мнѣ и которыя я лично пріобрѣлъ. Посудите же, друзья мои, что должна чувствовать душа моя въ теперешнія лѣта. Нѣтъ это жестоко и несправедливо со стороны божества нашего!

Министры старались по мѣрѣ силъ утѣшить повелителя своего.

— Чтоже ты, Нюманъ, не скажешь мнѣ ни слова? обратился султанъ къ казнедару, хранившему молчаніе.

— Я молчу теперъ для того, чтобы потомъ предложить вамъ испытать одинъ совѣтъ — отвѣчалъ онъ. Мнѣ недавно рассказывали, что царь Аджемскій, подобно вамъ дожившій до глубокой старости, не имѣлъ дѣтей и у каждаго, встрѣчнаго и попережнаго, спрашивалъ: не можетъ ли онъ пособить ему? Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Какъ вдругъ падишахъ столкнулся съ какимъ-то прибывшимъ издалека купцомъ, предложившимъ ему отправить въ Хутлушерифъ (Иерусалимъ) посланника къ великому царю и пророку Соломону съ просьбою помолиться за него своему Богу. Царь рѣшился испытать и это средство и немедленно послалъ въ Палестину самаго лучшаго изъ визирей своихъ съ великими дарами и ровно чрезъ девять мѣсяцевъ и десять дней жена его родила перваго наслѣдника.

— Нюманъ, другъ мой, вскрикнулъ Асымъ Сафанъ, бросаясь на шею къ казнедару своему — неужели ты правду говоришь? о, если это правда, то возьми половину моихъ сокровищъ и сейчасъ поѣзжай къ этому царю-пророку, упади къ нему въ ноги, плачь и рыдай до того времени, пока онъ не сжадется надъ тобою и не пообѣщаетъ мнѣ наслѣдника. Если же ему окажется мало моихъ подарковъ, то обѣщай еще столько же и даже послѣдній мой царскій нарядъ.

Въ тотъ же день казнедаръ началъ снаряжаться въ дорогу. Сотни верблюдовъ были навьючены золотомъ, серебромъ и различными цѣнными произведениями Египта. Три дня спустя караванъ выступилъ въ дорогу, сопровождаемый лучшими воинами Сафана.

Долго ли онъ двигался впередъ или пересень былъ ментально въ святой Хутлушерифъ, для насъ это не важно. Мы знаемъ только, что Нюманъ, явившись къ сералю славнаго царя Соломона, приказалъ доложить о себѣ, какъ о посланникѣ знаменитаго султана Асымъ-бене-Сафана, желавшаго поднести ему дары.

Соломонъ приказалъ ввести его въ пріемную. Нюманъ съ трепещущимъ сердцемъ послѣдовалъ за министрами и, очутившись предъ пророкомъ, хотѣлъ броситься ему въ ноги.

— Прощу тебя, встань поскорѣе — сказалъ царь — потому что и я такой же смертный, какъ и ты, и потому еще, что такія почести подобаютъ одному Богу, нашему общему Творцу. Сказавъ это, онъ приказалъ гостю своему сѣсть у ногъ его и рассказать все, что сказано или поручено было ему повелителемъ Египта.

Нюманъ произнесъ длинную рѣчь съ привѣтствіями и остановился, видя себя окруженнымъ многими сторонними лицами, предъ которыми не желалъ открывать главнѣйшей причины пріѣзда своего.

— Ты не договорилъ главнаго—замѣтилъ пророкъ—и отлично сдѣлалъ. Слѣдуй же за мною. Я приму тебя въ такомъ отдѣленіи дворца моего, куда не смѣютъ приближаться даже безплотные духи.

Нюманъ нѣсколько оживился духомъ и когда очутился въ одиночку предъ всеильнымъ падишахомъ, передалъ ему въ точности всю суть миссіи своей.

— Ты не дурно сдѣлалъ—отвѣчалъ Соломонъ—что посовѣтовалъ государю своему обратиться ко мнѣ. Въ доказательство же того, что я удовлетворю его желанію, я охотно приму привезенные тобою подарки. Завтра около полудня ты придѣ ко мнѣ за отвѣтомъ, потому что я предварительно долженъ обратиться къ Богу и выслушать Его святую для меня волю.

Сказавъ эти слова, Соломонъ вывелъ гостя своего въ приемную и приказалъ главному министру приютить во дворцѣ гостя и представить его завтра предъ свои очи. На слѣдующій день Нюманъ вновь введенъ былъ къ пророку.

— Я сегодня ночью бесѣдовалъ съ Господомъ моимъ—заговорилъ Соломонъ и узналъ настоящую причину негодованія Творца земли, которую, надѣюсь, твой султанъ приметъ изъ устъ моихъ и поспѣшитъ удалить. Присядь же у ногъ моихъ и отверзи уши, чтобы услышать. Видишь ли, вы всѣ и съ вами вмѣстѣ вашъ царь не признаете надъ собою истиннаго Бога, а поклоняетесь тому фонарю, который Онъ повѣсилъ на небѣ для освѣщенія и согрѣванія земли. Естественно, что Богъ вознегодовалъ прежде всего на того, отъ котораго зависитъ образумить глупыхъ и направить ихъ на путь истины. Такимъ образомъ тебѣ придется потребовать отъ Асыма Сафана, чтобы онъ немедленно самъ со всѣми подданными своими призналъ, что солнце есть только фонарь земли, но что Богъ есть высшее недоступное для понятія нашего безначальное и безконечное существо. Если онъ исполнитъ это, то вотъ что еще онъ долженъ сдѣлать, чтобы имѣть наслѣдника: пусть онъ отправится съ тобою, потому что и ты вѣдь бездѣтенъ,—къ тому самому дереву, у подножія котораго вы приносите жертвы вашимъ идоламъ. Каждый изъ васъ долженъ вооружиться и съ оружіемъ въ рукахъ взобраться на это дерево. Ровно въ полдень изъ подъ него выйдутъ два большихъ змѣя одинъ съ коровьею головою, а другой съ человѣчьею. Убейте ихъ и отрѣжьте изъ центра этихъ гадинъ по куску мяса и прикажете изготовить его такъ, чтобы жены ваши, ничего не подозревая, скушали хоть по маленькому кусочку. Этого будетъ достаточно, чтобы онъ въ ту же ночь получили благоволеніе Божіе.

Лишь только произнесены были эти слова, комната наполнилась тысячами птицъ, звѣрей и пресмыкающихся, которые начали ласкаться и привѣтствовать великаго пророка. Нюманъ въ ужасѣ попятился назадъ и хотѣлъ бѣжать.

— Постой, постой—сказалъ Соломонъ—я въ свою очередь желаю поднести подарки не государю твоему, а будущимъ: его и твоему наслѣднику. Вонъ тамъ въ углу лежатъ двѣ зашитыя

пачки, возьми ихъ и скажи Асыму Сафану, пусть онъ, не открывая спрячетъ ихъ въ сокровищницу свою и хранить до того времени, пока наслѣдники ваши достигнуть совершеннолѣтія и только тогда предложить имъ взять по одной пачкѣ. Я не прочь объявить тебѣ, что въ одной посылкѣ находится золотой нарядъ и перстень, а въ другой золотое сѣдло и такая же сабля. Вы должны выставить эти посылки предъ молодыми людьми въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ находятся. Каждый возьметъ по личному желанію ту, которую пожелаетъ или, которая будетъ предназначена ему Богомъ, по способностямъ и достоинствамъ.

Нюманъ не замедлилъ взять оба свертка.

— Ну, теперь ты воленъ возвратиться къ господину своему и, передавъ ему все слышанное отъ меня, пожелать ему въ мирѣ и благоденствіи дожидаться великой радости.

Нюманъ, бросился къ рукѣ пророка и, облобызавъ ее, удалился изъ сераля. Въ тотъ же день онъ выѣхалъ домой.

На этотъ разъ, визирь не щадилъ верблюдовъ и прибылъ въ Египетъ многими днями раньше обыкновеннаго. За 50 часовъ онъ послалъ передоваго къ Асыму Сафану объявить, что благополучно возвратился въ отечество и покончилъ миссію съ неожиданнымъ успѣхомъ.

Лишь только переданы были эти слова султану, онъ приказалъ подать себѣ лучшаго скакуна и, не смотря на дряхлость свою, поскакалъ на встрѣчу къ любимому визирю.

Встрѣча послѣдовала невдале отъ столицы. Нюманъ по обычаю хотѣлъ упасть предъ падишахомъ ницъ лицомъ, но Асымъ не допустилъ его до этого и, принявъ въ объятія, поцѣловалъ въ оба глаза. Послѣ остальныхъ изъявленій дружбы, министръ повѣдалъ все слышанное изъ устъ пророка и какъ бы въ подтвержденіе, показалъ на два зашитыхъ свертка.

— Я вѣрю ему безпрекословно — отвѣчалъ падишахъ — и немедленно исполню всѣ его приказанія. На случай же, если предсказаніе его исполнится и новое божество даруетъ мнѣ сына, то я не пожалѣю ни золота, ни личныхъ заботъ, чтобы обрадовать народъ мой милостями и благодѣяніями.

По возвращеніи въ дворецъ Нюманъ передалъ оба свертка великому казначею съ приказаніемъ не дозволить никому прикасаться къ нимъ до тѣхъ поръ, пока они не потребуются самимъ султаномъ.

Два, три дня спустя султанъ Асымъ Сафанъ приказалъ созвать къ нему всѣхъ представителей и старшинъ своего царства и, когда они явились, объявилъ, что онъ и всѣ они, благодаря заблужденіямъ отцовъ и ухищреніямъ злыхъ духовъ, не поклонились тому Богу, который создалъ солнце и всѣ остальные небесныя свѣтила, а солнцу, которое ничто иное, какъ фонарь, выставленный для освѣщенія земли. Въ заключеніе, онъ просилъ и требовалъ, чтобы всѣ раскаялись въ своемъ невѣжествѣ и немедленно обратились на истинный путь. Послѣ долгихъ совѣща-

ній старшины убѣдились въ справедливости сказаннаго падишахомъ и поклялись торжественно, что отнынѣ они и состоящіе въ зависимости отъ нихъ люди, перенесутъ свои молитвы къ Творцу вселенной.

— Ну, теперь мы можемъ отправиться и къ священному дереву—сказалъ Сафанъ своему любимцу Нюману.

— Я всегда готовъ слѣдовать за вами, мой повелитель. Прикажете только, когда мнѣ явиться.

— Приходи завтра на разсвѣтѣ. Мы выйдемъ такимъ образомъ, чтобы никто не послѣдовалъ за нами.

Въ урочное время, визирь предсталъ предъ султаномъ съ лукомъ и колчаномъ и они вышли изъ города, никѣмъ не замѣченные.

За часъ до полудня, они пришли къ священному растенію и, взобравшись на него, приготовились къ встрѣчѣ чудовищъ. Дѣйствительно, ровно въ полдень подъ деревомъ приподнялась земля и оттуда выползли два громадныхъ змѣя, которые обвились между собою и начали играть. Игры ихъ такъ были интересны, что Асымъ Сафанъ залюбовался и навѣрно пропустилъ бы дорожное время, еслибъ не настоялъ Нюманъ. Стрѣлы взвились и два великана остались подъ деревомъ мертвыми. Тогда Сафанъ съ министромъ спустились изъ засады своей, вынули сабли изъ ноженъ и каждый отрубилъ по куску мяса отъ убитыхъ чудовищъ.

Мясо это приготовлено было превосходнѣйшимъ способомъ и обѣ женщины скушали его съ наслажденіемъ. Черезъ 4½ мѣсяца Асымъ султанъ и Нюманъ положительно были увѣрены, что жены ихъ беременны. Радости ихъ не было предѣла.

— Теперь тебѣ, великій падишахъ, придется обрадовать и всѣхъ скорбящихъ—сказалъ визирь. За такія блага надо заставить всѣхъ почти вознести благодарность Господу и пожелать счастливаго успѣха твоей супругѣ.

Султанъ вполне согласился съ нимъ и приказалъ подать списокъ томлящихся въ заключеніи. По списку этому оказалось лишенныхъ свободы 20 т. человѣкъ въ 9-ти т. крѣпостяхъ, 60 т. въ городахъ и болѣе 200 т. въ деревняхъ. Изъ нихъ большинство томилось за неуплату недоимокъ въ государственную кассу. Асымъ Сафанъ ужаснулся и приказалъ сейчасъ же опорожнить всѣ тюрьмы и объявить всѣмъ безъ исключенія полное прощенье, а самымъ бѣднѣйшимъ раздать 400 т. червонцовъ. Кромѣ этого, онъ назначилъ принести въ жертву и распределить между нищими 10 т. вюрблюдовъ, 20 т. коровъ и 40 т. овецъ, а воинамъ подарить по одной лошади и саблѣ и устроить въ столицѣ трехдневный пиръ.

Черезъ 9 мѣсяцевъ и 10 дней, у султана Асымъ Сафана и министра его Нюмана въ одну и ту же минуту родились сыновья. Всѣ подданные посѣзили въ дворецъ привѣтствовать любимаго царя и его друга. На этотъ разъ празднество продолжалось 40 дней и 40 ночей.

— Ну, любезный министр мой — сказала Асымъ Сафанъ, когда прекратилось ликованіе народа — теперь я обязанъ сдѣлать и для тебя все, что ты пожелаешь.

— Нѣтъ, государь — отвѣчалъ онъ — я достаточно вознагражденъ, потому что по милости твоей, тоже приобрѣлъ наслѣдника. Клянусь тебѣ Аллахомъ и новорожденнымъ, что я не приму отъ тебя никакого подарка.

— Я очень цѣню твою клятву, другъ мой, и не стану насиловать тебя. Оставимъ подарки и перейдемъ къ болѣе важному сужденію. Такъ какъ наши дѣти родились по одному и тому же поводу и въ одно и тоже время, то я желаю, чтобы ты съ женою переселились ко мнѣ и чтобы оба мальчика росли и воспитывались, какъ два брата.

Нюманъ принялъ это предложеніе съ восторгомъ и благодарностію. Новорожденные очутились въ одной комнатѣ и одновременно получили имена. Царскаго сына назвали Сейфиль-Мюльклемъ, а сына визиря Сайтомъ. Послѣ этого обряда, созваны были въ сераль всѣ знаменитые знахари и чернокнижники, которымъ приказано было опредѣлить будущность этихъ младенцевъ въ теченіи трехъ дней.

Въ запискѣ, составленной ими въ назначенный срокъ, значилось очень мало строкъ и именно: „новорожденнымъ послѣ совершеннолѣтія предстоитъ дорога. По дорогѣ они разлучатся и перенесутъ много тяжкаго, но въ заключеніе, снова соединятся и будутъ вполне счастливы“.

Предсказаніе это смутило счастливыхъ родителей, но такъ какъ предопредѣленнаго никто не въправѣ измѣнить, то приходилось все предать волѣ Божіей.

По мѣрѣ того, какъ мальчики росли, за ними все болѣе и болѣе усиливали заботливость. Въ 5-тъ лѣтъ къ нимъ приставлены были умнѣйшіе наставники и учителя; въ 10 лѣтъ начали приучать къ военному искусству, а въ 18-тъ посвящать въ тайныуправленія государствомъ. Въ 21 годъ Сейфиль сдѣлался вполне мужчиною и доказалъ, что можетъ царствовать безъ помощи отца. Сайтеъ оказался также чрезвычайно способнымъ занять постъ великаго визиря. Лишь только убѣдились въ этомъ родители, какъ пожелали замѣстить себя сыновьями своими. Въ это время Нюманъ какъ-то случайно вспомнилъ за свертки, предназначенные юношамъ царемъ Соломономъ по достиженіи совершеннолѣтія и, приказавъ принести ихъ, позвалъ Сейфила и Сайта.

— Возлюбленные дѣти — сказала онъ — вотъ два узла, которые мнѣ поручено было пророкомъ Соломономъ передать вамъ по достиженіи совершеннолѣтія. Ни я, ни могущественный султанъ не знаемъ, что въ нихъ находится. Вы властны сами избрать любой, или бросить жребій.

Молодые люди посмотрѣли другъ на друга и, взявшись за руки, подошли къ подаркамъ. Сейфиль протянулъ руку къ одному узлу, а Сайтеъ къ другому. Затѣмъ, повернулись и вошли

въ свои комнаты. Въ узлѣ послѣдняго, оказалось золотое сѣдло съ уздечкою и сабля. Сейфиль же бросилъ свою связку, какъ вещь мало интересующую его.

Настала ночь. Наслѣдникъ престола собрался на отдыхъ, какъ вдругъ глаза его остановились на подаркѣ и онъ сорвалъ съ него обертку. Къ ногамъ его упало золотое кольцо, испещренное какими-то таинственными знаками. Поднявъ его, онъ приложилъ къ устамъ и надѣлъ на мезинецъ. Вторая вещь была парчевый кафтанъ, на которомъ показалось ему какое-то рельефное изображеніе. Сейфиль поднесъ кафтанъ къ свѣту и окаменѣлъ отъ изумленія. Затѣмъ, онъ поникъ головою и тихо опустился на софу, а между тѣмъ глаза его продолжали смотрѣть на чудное изображеніе неестественной красавицы.

Въ такомъ положеніи Сейфиль оставался до утра.
— Что это съ тобою, другъ мой, ты блѣднѣе смерти—сказалъ Саитъ, входя къ царевичу.

Отвѣта не послѣдовало. Саитъ невольно взглянулъ на роскошный нарядъ и съ трепетомъ началъ всматриваться въ прелестное лицо юной женщины.

— Какимъ образомъ это изображеніе могло очутиться на подаркѣ пророка? спросилъ онъ.

Сейфиль вмѣсто отвѣта закрылъ глаза и началъ плакать.
— Эту дѣвушку я непременно долженъ отыскать — проговорилъ онъ—иначе я сойду съума. Она очаровала меня съ головы до ногъ, всосалась въ мою кровь, опутала паутиною любви и перевернула всѣ мозги. О, я чувствую, что не могу болѣе наслаждаться жизнію! Другъ мой Саитъ, ты навѣрно пожалѣешь меня, если войдешь въ сердце мое. Но умоляю тебя, не говори никому о моемъ помѣшательствѣ, чтобы не заставить народъ смѣяться, а родителей моихъ оплакивать меня преждевременно. Будь мнѣ попрежнему неизмѣннымъ и преданнымъ *карандашомъ* *) и помоги или избавиться отъ мученія, котораго я не ожидалъ, или пообѣщай слѣдовать за мною, чтобы отыскать эту прелестную дѣвушку.

— Гдѣ-же мы будемъ ее искать, мой братъ и господинъ? спросилъ опечаленный Саитъ.

Этотъ вопросъ заставилъ Сейфилю, не подумавшаго раньше, что міръ великъ, вновь опустить голову и предаться отчаянію. Въ забытіи онъ заплѣлъ жалобнымъ голосомъ:

„Не приходитъ ко мнѣ мой другъ,
Чтобы извѣдать горя друга
И осушить его глазъ отъ слезъ.
Найду-ли я тебя прелестная
Или мнѣ придется умереть безъ тебя?
Суженая-ли ты мнѣ невѣста
Или другому счастливцу сужена?“

*) Т. е. другомъ сердца. Точное слово рукописи.

Саитъ попробоваль остановить друга отъ отчаянія, но юноша продолжалъ импровизировать:

Меня связала ты кушакомъ любви

А сама явилась только тѣнью.

Ужасенъ твой портретъ,

Но какъ ужасна ты должна быть сама!

Пока продолжалось это пѣнье, Саитъ, присматриваясь къ чудному изображенію, внезапно увидѣлъ на груди его слѣдующую надпись: „мое имя Бедюль-Джемадъ, дочь Шахъ-Бала, царя и повелителя всѣхъ пери.“

— О, Аллахъ,—вскрикнулъ онъ—надо было случиться такому несчастію! Вѣдь она пери, не могущая имѣть ничего общаго съ людьми. Не странно-ли, что такой великій пророкъ, какъ Соломонъ задумаль сдѣлать зло только начинавшему жить другу моему?

Саиту не пришло на мысль, что Сейфилю разслышитъ эти слова.

— Такъ ты утверждаешь, что оригиналь существуетъ? спросилъ наслѣдникъ престола, вскакивая съ мѣста.

— Да онъ существуетъ, судя по надписи, которую и ты можешь прочитать. При этомъ онъ указаль на грудь изображенія.

Сейфилю прочиталь мелкія буквы и съ ужасомъ вскрикнулъ:

— Теперь я въ тысячу разъ несчастнѣе въ сравненіи съ прежнимъ состояніемъ, потому что раньше я могъ отвергать или не вѣрить въ существованіе такой женщины; теперь-же я не успокоюсь, пока не увижу и не завладѣю ею. Сказавъ это, Сейфилю бросился на постель и началъ предаваться отчаянію. Съ этого времени онъ не чувствовалъ ни голода, ни жажды.

Когда доложили объ этомъ султану, Асымъ Сафанъ прибѣжалъ къ сыну и началъ заботливо разспрашивать причину его немочи. Сейфилю хранилъ молчаніе. Тогда испуганный царь пригласилъ жену и оба принялись умолять сына признаться, въ чемъ заключается его недугъ; но царевичъ и на этотъ разъ не удостоилъ ихъ отвѣтомъ.

— Саитъ — обратился султанъ къ тутъ-же стоявшему сыну визиря — я увѣренъ, что только ты можешь узнать, чѣмъ страдаетъ мой единственный наслѣдникъ. Если-же и ты не откроешь мнѣ истины, то я вынужденъ буду обезглавить тебя, какъ вреднаго человѣка или какъ злодѣя, ожидавшаго выгодъ отъ смерти Сейфиля.

Слынишь-ли, другъ моего сердца, какія ужасныя слова сказалъ султанъ — произнесъ Саитъ, бросаясь къ ногамъ царевича. — О, пожалѣй меня!... и онъ зарыдалъ.

Сейфилю не открываль глазъ.

Асымъ Сафанъ, простоявъ нѣсколько минутъ у изголовья дорогого сына и, предположивъ, что онъ настолько боленъ, что не въ состояніи владѣть языкомъ, приказаль, чтобы немедленно приведены были во дворецъ всѣ безъ исключенія медики и знаха-

ри. Когда собрались эти люди, султанъ объявилъ имъ, зачѣмъ звалъ и отправилъ въ комнату Сейфиля, но увы, и врачи ничего не могли открыть. Изнуренный глубокою скорбью отецъ вновь вошелъ къ сыну и рѣшился умереть около него.

— Ну, что Саитъ — сказалъ онъ — приготовился-ли ты къ смерти?

— Я всегда буду радъ принести себя въ жертву моему другу — отвѣчалъ молодой человекъ — и навѣрно-бы умеръ, еслибъ твой сынъ не разрѣшилъ мнѣ рассказать тебѣ причины его страданій.

— Говори, говори скорѣй, дитя мое!

— Саитъ взглянулъ на спокойно лежавшаго царевича и разсказалъ все извѣстное ему. Какъ только онъ остановился, Сейфиль какъ-бы въ подтвержденіе зашѣлъ:

Она высока и стройна,
Въ глазахъ играютъ стрѣлы.
Кто взглянетъ на нее однажды,
Тотъ погибнетъ навсегда!
Ее зовутъ Беди-уль-Джемаль
А отецъ ея есть властитель пери.

— Несчастный — вскрикнулъ отецъ, разсматривая прелестный портретъ. — Развѣ мыслимо смертному достигнуть расположенности пери? О, возлюбленный наследникъ мой, о, сердце глазъ моихъ, куда дѣвался твой свѣтлый умъ и великія познанія? Выбрось, дорогой мой, изъ головы своей невѣроятныя и несбыточныя мечты, а я, клянусь тебѣ, найду многихъ другихъ дѣвушекъ, которыя ни въ чемъ не уступятъ этой пери.

При этихъ словахъ Сейфиль поднялся съ постели, и, поцѣловавъ руку отца, отвѣчалъ:

— Благодарю тебя, нѣжнѣйшій изъ отцовъ. Но если существуетъ только на землѣ эта именно дѣвушка, то я предварительно употреблю всѣ средства отыскать ее. Мнѣ кажется, что она предназначена мнѣ Богомъ и что я съ нею одною могу прожить счастливо и безмятежно.

— Гдѣ-же мы станемъ, дорогой мой, искать ее?

— Я самъ пушусь въ розыски, въ полномъ убѣжденіи, что другъ мой Саитъ также послѣдуетъ за мною.

— Но ты во всякомъ случаѣ позволишь мнѣ сдѣлать предварительное дознаніе. Авось кто-нибудь изъ подданныхъ моихъ укажетъ намъ ту страну, гдѣ обитаетъ эта славная пери.

— Этого намъ не надо знать — отвѣчалъ Саитъ — потому что на портретѣ написано, что она живетъ въ царствѣ Бабиль-джерджи.

— А знаешь-ли ты, гдѣ находится это неслыханное мною государство.

— Я тоже не слыхалъ раньше о немъ, но полагаю, что намъ не трудно будетъ найти людей, которые укажутъ намъ, гдѣ оно находится.

Султанъ Асымъ Сафанъ погружился въ размышленіе и рѣшился вызвать самыхъ предприимчивыхъ купцовъ въ предположеніи, что они укажутъ по крайней мѣрѣ направленіе неизвѣстнаго ему государства. Изъ всѣхъ явившихся только одинъ сказалъ, что къ царству этому надо ѣхать по великому морю, держась на югъ отъ Чинь-Мачина.

— Сейфиль не противорѣчилъ, такъ-какъ для него важно было только выѣхать изъ отцовскаго дома.

Два дня спустя собраны были въ сераль министры для обсужденія проекта путешествія наслѣдника престола. Асымъ-Сафану хотѣлось предоставить сыну своему всѣ удобства въ дорогѣ, но главнѣе набрать какъ можно болѣе храбрыхъ воиновъ. Вслѣдствіе чего рѣшено было снарядить 40 большихъ кораблей и посадить на нихъ 4 т. солдатъ, извѣстныхъ своими заслугами, а недѣлю спустя объявлено было, что все готово къ выѣзду.

Мы не станемъ описывать ни прощальныхъ зѣфетовъ, ни горькихъ слезъ Асымъ Сафана съ женою и его великаго визиря Ньюмана, а скажемъ, что жители всей столицы собрались на набережную съ желаніемъ выразить свое сожалѣніе и помолиться о благополучномъ исходѣ путешествія. Сейфиль поблагодарилъ ихъ и, преклонивъ въ послѣдній разъ колѣна предъ отцомъ, вскочилъ на кайкъ и быстро исчезъ изъ вида. Въ ту же минуту подняты были паруса и многочисленная эскадра гордо и плавно выдвинулась изъ устья Нила. Съ этого момента царскій дворець осиротѣлъ и для всѣхъ казался покинутымъ веселыми лучами утренняго солнца.

Тѣмъ временемъ эскадра, пользуясь попутными вѣтрами, миновала Средиземное море и вступила въ безпредѣльный океанъ. Однажды Сейфиль, вышедъ на палубу и видя вдали прелестное голубое очертаніе горъ, сказалъ реизу (капитану):

— Не заѣхать ли намъ въ эту страну. Авось тамъ знаютъ, гдѣ находится земля, именуемая Бабиль-Джерджи?

— Это намъ необходимо сдѣлать—отвѣчалъ опытный реизъ— и для того, чтобы набрать свѣжей воды и свѣжей провизіи. Но я не смѣлъ тревожить моего господина. Сказавъ это, онъ немедленно приказалъ направить суда къ виднѣющейся землѣ.

Къ вечеру эскадра Сейфиля расположилась въ строгомъ порядкѣ въ виду обширнѣйшаго города, въ которомъ оказалось большое движеніе. Реизъ выслалъ помощника разузнать названіе царства и попросить у начальниковъ гостепріимства. Посланный возвратился съ донесеніемъ, что они прибыли къ берегамъ Мачина, въ которомъ царствуютъ доблестный падишахъ Сейхуръ-Алимъ, воспитывавшійся въ Египтѣ въ одно время съ Асымъ Сафаномъ.

Извѣстіе это обрадовало всѣхъ бывшихъ на корабляхъ и Сейфиль не замедлилъ съѣхать на берегъ, чтобы представиться другу отца.

Намъ нечего говорить, съ какимъ восторгомъ былъ принятъ Сейфиль и всѣ его сподвижники. Умолчимъ также о тѣхъ зѣфе-

тахъ, которые слѣдовали въ продолженіи многихъ дней, а скажемъ, что проживши болѣе мѣсяца въ непрестанныхъ развлеченіяхъ, гости начали готовиться къ дальнѣйшему путешествію. Услышавъ объ этомъ, Сейхуръ-Алимъ вошелъ къ царевичу и началъ просить его пробить съ нимъ еще нѣсколько дней, но когда послѣдній началъ извиняться, опечаленный царь пожелалъ утѣшить себя по крайней мѣрѣ свѣдѣніемъ, куда онъ думаетъ ѣхать.

— Я направляюсь въ царство Бабиль-Джерджи—отвѣчалъ молодой человѣкъ— но къ несчастію ни я и никто изъ сопровождающихъ меня не знаемъ, гдѣ находится эта земля и прибыли сюда съ цѣлью получить отъ твоихъ подданныхъ какія-нибудь указанія.

— Ну, и, конечно, успѣли въ этомъ?

— Нѣтъ—отвѣчалъ съ грустью Сейфиль.

Сейхуръ-Алимъ немедленно приказалъ позвать къ себѣ главныхъ купцовъ столицы и началъ разспрашивать ихъ, но они отвѣчали, что никогда не слышали о такомъ царствѣ и что о немъ надо спросить у жителей Индустана.

Высланные на городскія площади глашатаи принесли такое же наставленіе. Такимъ образомъ, не узнавъ ничего, Сейфиль вынужденъ былъ предпринять поѣздку въ Индію.

Набравъ продовольствія на нѣсколько мѣсяцевъ, египетскія суда распустили паруса и быстро понеслись въ безпредѣльный океанъ. Нѣсколько дней они плыли очень спокойно, но потомъ начали подвергаться бурямъ, которыя все болѣе и болѣе становились невыносимыми. На судахъ нерѣдко подымался ропотъ и негодованіе вмѣсто того, чтобы преклоняться предъ волею Аллаха и благодарить его за сохраненіе жизни. Сейфиль и Саитъ много разъ увѣщевали команды, но вида, что бунтъ не минуемъ, рѣшились терпѣливо перенести назначеніе судьбы. Въ одну изъ самыхъ критическихъ минутъ Саитъ объявилъ Сейфилю, что небо покрылось такими страшными тучами, что надо ожидать ужаснѣйшей бури. Царевичъ, удостовѣрившись въ предположеніи друга, тяжело вздохнулъ и сказалъ:

— Другъ мой Саитъ, моя душа предчувствуетъ, что буря разнесетъ въ щепки наши корабли. Позаботимся же подготовить себѣ по одному ящику, чтобы въ крайности продержаться на водѣ нѣсколько дней. Авось быстрою волнѣ насъ вынесетъ на землю и мы не доведемъ до смерти нашихъ старыхъ родителей.

Сказавъ это, Сейфиль взялся за одинъ изъ пустыхъ ящиковъ и, отодвинувъ его въ сторону, началъ переносить въ него главнѣйшіе продукты для жизни. Саитъ сдѣлалъ тоже. Не успѣли они присѣсть на отдыхъ, какъ послышался вдали необыкновенный гулъ и море, какъ бы испуганное приближеніемъ ужаснаго звѣря, ошетинилось, заколыхалось и застонало. Вслѣдъ за этимъ наступила тьма и заиграли широкія огненные полосы, низвергавшіяся съ неба въ мрачную глубину воды.

Реизъ пришелъ въ изумленіе и во всеуслышаніе объявилъ, что

такой бури онъ никогда не видѣлъ и сомнѣвается, чтобы его рѣчные суда вынесли ее. Услышавъ эти грозныя слова, бунтовщики пали ницъ и начали молить Аллаха смилостивиться надъ ними, но ни одинъ изъ нихъ не приносилъ чистосердечнаго раскаянiя въ грѣхахъ своихъ. Это вызвало еще больше справедливаго негодованiя Бога. Буря усилилась и начала рвать и ломать все встречающееся. Поднялись крики и стоны, но милости не слѣдовало.

Сейфиль и Саитъ крѣпко обнялись и засѣли въ свои ящики, поклявшись, что на случай спасенiя не перестанутъ искать другъ друга, чтобы вновь жить подъ одною кровлею.

Только что прозвучали эти слова, какъ судно ихъ ударило объ какой-то камень, затряслось и рассыпалось въ мелкiе куски. Отъ этого сотрясенiя Сейфиль слетѣлъ съ ящикомъ въ океанъ и увлеченъ былъ теченiемъ.

На слѣдующiй день небо разъяснилось. Несчастный наслѣдникъ египетскаго престола вмѣсто всѣхъ своихъ кораблей увидѣлъ только обломки ихъ и около себя не болѣе 10 матросовъ, плывущихъ на небольшой лодочкѣ. Соединившись съ ними, Сейфиль прежде всего спросилъ за Саита, но всѣ отвѣчали, что не видѣли его.

Опечаленный этимъ отвѣтомъ царевичъ хотѣлъ лишить себя жизни и, вѣроятно, сдѣлалъ бы это, еслибъ его не удержали матросы.

— Несчастный—сказалъ ему одинъ изъ нихъ—твоя жизнь, безъ сомнѣнiя, понадобится еще намъ. Если же ты терпишь скорбь, то самъ служишь причиною общаго несчастiя: ты сдѣлалъ намъ и себѣ столько зла, сколько не сдѣлалъ бы стороннимъ людямъ самый злѣйшiй врагъ.

Слова эти запали глубоко въ душу Сейфиля и онъ прослезившись, началъ просить Бога сохранить друга своего невредимымъ.

Тѣмъ временемъ волненiе океана начало уменьшаться и Сейфиль съ 10 матросами пристали къ берегу какой-то неизвѣстной земли, покрытой величественными деревьями. Обрадованные этою милостiю Аллаха, они прикрѣпили лодку свою къ корнямъ дуба и бросились собирать первые увидѣнные плоды. Какъ вдругъ чья-то ужасной величины рука просунулась сквозь деревья и схватила одного матроса.

— Слава Богу—послышался голосъ—наконецъ-то и я выждать случая полакомиться человѣческимъ мясомъ!

Слова эти заставили Сейфиля и остальныхъ товарищей его несчастiя, бѣгомъ пуститься обратно въ каякъ и не медля ни минуты отчалить отъ благодатнаго острова.

— Что мы будемъ теперь дѣлать? спросили матросы.

Царевичъ вмѣсто отвѣта запѣлъ:

Ничего намъ не остается дѣлать,

Какъ просить милости у Бога.

Только Онъ одинъ властенъ переставить

Роковыя слова предопредѣленія людей,
По Его же волѣ мы отдали изъ насъ
На жертву чудовища льснаго.
Ничего намъ не остается другаго,
Какъ снова броситься въ пучины моря,
Потому что земля возстала противъ насъ.
О, Боже мой, чего не сдѣлаешь любовь!
Но я все забуду, если когда нибудь,
Моя голова преклонится къ ея колѣнямъ!
Ахъ, Беди-уль-Джемаль, гдѣ тебя найти?
Сойдемся ли мы, будемъ ли близки къ Богу
Или я всѣмъ пожертвую напрасно!

Въ пѣсни этой такъ было много отчаянiя и скорби, что ни одинъ изъ матросовъ не дерзнулъ замолвить слова. Горячо принявшись за весла, они къ счастью увидѣли предъ собою другой островъ съ болѣе роскошною растительностію. Переполненные восторга и благодарности къ милостивой судьбѣ, всѣ они выскочили на землю и съ жадностію бросились къ прекраснымъ плодамъ. Какъ вдругъ около одного изъ матросовъ зашевелился холмъ и вытянувшаяся гигантская рука схватила его и снова скрылась подъ покрываломъ землянаго цвѣта. Присмотрѣвшись ближе къ чудовищу, несчастные странники опредѣлили, что звѣрь этотъ обладалъ гигантскими ушами, такъ что одно подкладывалъ подъ себя, а другимъ прикрывался.

Сейфиль вынужденъ былъ, ради спасенiя остальныхъ сотоварищей, снова подумать о бѣгствѣ. Набравъ по возможности побольше плодовъ, они опять пустились въ океанъ въ надеждѣ повстрѣчать какое-нибудь судно; но на этотъ разъ поднялась буря и лодка ихъ послѣ двухъ-дневной борьбы съ волнами, выброшена была ночью на скалистый берегъ. Не зная, куда ихъ занесла злая судьба, они совершили молитву и всѣ заснули крѣпкимъ сномъ. На слѣдующій день первымъ пробудился царевичъ и съ ужасомъ увидѣлъ, что всѣ они окружены такого громаднаго размѣра людьми, какихъ никогда и не снилось ему.

Одинъ изъ этихъ колоссовъ, обращаясь къ товарищамъ, сказалъ:
— Замѣчаете ли вы, что на нашемъ островѣ появились какіе-то сверчки, походящіе на насъ. Взгляните на нихъ попристальнѣе — удивительное сходство.

— И въ самомъ дѣлѣ они чрезвычайно походятъ на насъ — отвѣчалъ другой — соберемъ ихъ и снесемъ на забаву нашему царю, это доставитъ ему маленькое развлеченіе.

Предложеніе это понравилось всѣмъ и несчастные путешественники собраны были въ корзину, въ которой и принесены къ повелителю гигантовъ.

— Какіе прекрасные человѣчки — отвѣчалъ онъ — посадите ихъ въ клетку и передайте дочери моей карлицѣ, — пусть она забавляется ими, какъ подходящими къ ней по росту.

Приказаніе царя немедленно было исполнено. Дочь владыки гигантовъ оказалась почти одинаковаго роста съ плѣнными и чрезвычайно обрадовалась, что встрѣтила такихъ же людей, какъ и сама.

Но изъ числа ихъ болѣе понравился ей Сейфиль-Мюльклъ, котораго она схватила въ объятія и повлекла въ пышныя чертоги свои. Здѣсь, усадивъ его на мягкія софы, она начала чесать ему голову, вытирать лице, рѣзать ногти и восхищаться выраженіемъ прелестныхъ глазъ. Окончивъ все это, приказала подать обѣдъ и своеручно подносила ко рту его лакомые кусочки. Въ заключеніе, положивъ его на отдыхъ, царевна присѣла къ его ногамъ и начала пѣть:

О душа моей души и свѣтъ моихъ глазъ,
О благо моей жизни и краса всѣхъ красотъ,
Прими меня въ объятія свои и отдай свое сердце!
Ты сынъ другихъ людей, но прелести твои
Понятны для меня. О, полюби меня!
Но если ты останешься равнодушнымъ,
Тебя ждетъ адъ, а меня гибель навсегда.
Я дочь самаго могучаго царя изъ царей,
Все что ты пожелаешь будетъ у тебя.
О, пожалѣй меня! У меня вся внутренность пылаетъ.
Раньше я была счастлива и беззаботна
И весело игралась, какъ дитя,
О, отдай мнѣ сердце, о пожалѣй меня!

Съ этими словами она прижалась къ груди Сейфиля и начала рыдать.

— Оставь меня несчастная — сказалъ царевичъ, отодвигаясь въ сторону — любить тебя я не могу, потому что люблю другую.

— Такъ ты отвергаешь меня, ничтожный человѣкъ! вскрикнула царевна, поблѣднѣвъ отъ злости.

— Я говорю тебѣ правду.

— О, въ такомъ случаѣ я прикажу обратить тебя въ негоднаго слугу моихъ слугъ и заставлю безъ отдыха работать.

— Дѣлай, какъ знаешь, но любить тебя я не могу.

Царевна вспыхнула и приказала выбросить его на дворъ и заставить носить дрова. Сейфиль не ропталъ на участь свою. Такъ прошелъ цѣлый годъ.

Однажды царевичъ нашелъ въ лѣсу такое множество отлично дозрѣвшаго винограда, что задумалъ выдавить изъ него вино и попробовать напоить гигантовъ. При помощи товарищей, онъ сдѣлалъ нѣсколько бочекъ этого питья и привезъ его къ дверямъ царскихъ чертоговъ. Гиганты, попробовавъ сладкій напитокъ, съ такою жадностію начали пить, что чрезъ часъ всѣ мертвецки заснули.

— Ну, теперь мы свободны, можемъ бѣжать — сказалъ Сейфиль товарищамъ — и всѣ они бросились къ морю, сѣли въ лодку и исчезли въ туманной синевѣ океана.

Нѣсколько дней спустя, отважные мореходцы высадились на встрѣтившійся имъ островъ, до того заросшій густыми гигантскими деревьями, что ни одинъ лучъ солнца не проникалъ въ ихъ чащу. Собирая безчисленное множество сочныхъ плодовъ, они не озаботились даже узнать, кѣмъ населена эта земля.

На этотъ разъ несчастные атакованы были со всѣхъ сторонъ

рослыми обезьянами, которые привели плѣнниковъ къ повелителю своему и обратили ихъ въ поваровъ.

Сейфиль терпѣливо перенесъ и это несчастье, но, чтобы избавиться отъ часовыхъ, постоянно наблюдающихъ за нимъ и товарищами, снова вспомнилъ о дѣйствии вина и тогда только успокоился, когда приготовилъ этого напитка столько, сколько потребовалось напоить до-пьяна свою стражу.

Снова бѣжавъ въ открытый океанъ на плохо державшейся лодкѣ, молодые люди утѣшались надеждою, что быть можетъ теперь имъ удастся повстрѣчаться съ какимъ-нибудь кораблемъ и возвратиться на родину.

Но только, что надежды эти выражены были въ слухъ, какъ около нихъ заколыхалась вода и изъ нея высунулись одновременно семь страшныхъ лапъ и вырвали изъ ялика всѣхъ матросовъ.

— О, Аллахъ,—вскрикнулъ Сейфиль—этого только не доставало для несчастнаго влюбленнаго! Сказавъ это, онъ палъ ницъ лицомъ и въ первый разъ зарыдалъ.

Тѣмъ временемъ лодочка его быстро неслась за теченіемъ океана, а вдали показывалась все больше и яснѣе полоса земли. На слѣдующій день, Сейфиль очутился въ виду небольшого острова, около громадной пещеры.

„Не здѣсь ли мнѣ суждено умереть одинокимъ?—подумалъ онъ и съ тяжкимъ вздохомъ вошелъ въ пещеру, чтобы отдохнуть. Но не успѣлъ онъ сдѣлать и десяти шаговъ, какъ до слуха его долетѣлъ нѣжный женскій голосъ. Царевичъ началъ прислушиваться и когда убѣдился, что это были стоны страждущаго существа, смѣлѣе двинулся впередъ и предсталъ внезапно предъ молодою женщиною необыкновенной красоты.

— Ты кто такой и какимъ образомъ появился сюда? вскрикнула удивленная красавица. О, несчастный, тебѣ видно написано было на лбу довершить мои страданія своею смертью.

Сейфиль разсказалъ ей, какимъ образомъ прибылъ къ этому пустынному острову.

— Чтоже мнѣ дѣлать съ тобою—сказала дѣвушка—чтобы спасти отъ неминуемой смерти? Да будетъ тебѣ извѣстно, что меня похитилъ изъ родительскаго дома ужасный драконъ и поселилъ въ этой пещерѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ безпредѣльнымъ моремъ. Онъ ежедневно улетаетъ и возвращается къ вечеру—и горе тебѣ, если это чудовище насъ застанетъ вмѣстѣ. Онъ обратитъ тебя въ пыльный порошокъ и задавитъ меня, какъ муху.

— Но развѣ онъ принадлежитъ къ безсмертнымъ? спросилъ Сейфиль.

— Я знаю только то, что онъ не уязвимъ.

— Ты ошибаешься красавица: все что живетъ на землѣ, должно умирать. Надо только узнать, въ чемъ именно заключается его сила, а если мы узнаемъ это, то я быть можетъ избавлю тебя отъ твоихъ страданій.

Девлетъ, такъ звали красавицу, задумалась на минуту.

— Я постараюсь это узнать — сказала она — но какъ спрятать тебя и куда? Осматривая стѣны пещеры, красавица остановила глаза на расщелинѣ въ потолокъ. Вотъ единственное мѣсто, гдѣ ты долженъ помѣститься теперь же. Подѣвай же сейчасъ туда и храни молчаніе.

Сейфиль послѣдовалъ ея совѣту и молодые люди съ меньшимъ страхомъ, начали спрашивать другъ друга о мѣстѣ родины и т. п. Оказалось, что Девлетъ была единственною дочерью знаменитаго Персидскаго царя, владѣтеля земнаго рая, населеннаго феями и прелестными пери.

Предъ вечеромъ царевна, въ ожиданіи дракона, приказала гостю своему замолчать, а сама вышла къ отверстию пещеры. Нѣсколько минутъ спустя Сейфиль услышалъ страшный свистъ, а вслѣдъ затѣмъ грубый голосъ чудовища.

— Ты сегодня неизнаваема, моя красавица — сказалъ драконъ. О, чего бы я не далъ, еслибъ ты всегда выходила ко мнѣ на встрѣчу. Но увы ты по прежнему, кажется, гнушаешься моею любовію.

— Я не могу тебя любить только потому, что ты скрываешь отъ меня всѣ твои похождения и занятія. Какая же я жена, когда мнѣ не извѣстно ни происхожденіе твое, ни образъ жизни, ни даже самое интересное: въ чемъ состоитъ твоя сила и есть ли у тебя душа?

— Я не говорилъ объ этомъ раньше только потому, что ты всегда была молчалива и никогда не интересовалась этимъ.

— Не спорю, дружокъ, раньше я, дѣйствительно, тяготилась своимъ одиночествомъ, но теперь привыкла къ своему назначенію и желаю сблизиться съ тобою.

Драконъ растаялъ отъ этихъ словъ и началъ рассказывать, что онъ ежедневно навѣщаетъ своихъ родителей и братьевъ, которые владѣютъ лучшими странами въ мірѣ, что въ чертогахъ отца его хранятся такія богатства, которыя не доступны понятіямъ остальныхъ царей земныхъ и т. п. Послѣ всего этого онъ началъ просить Девлетъ изъявить согласіе вступить съ нимъ въ законный бракъ и переселиться въ царство его родителей.

— Перестань говорить мнѣ объ этомъ — отвѣчала царевна — я не разъ уже твердила тебѣ, что обязана клятвою ожидать жениха моего ровно годъ. Этотъ срокъ истечетъ чрезъ семь дней. Надѣюсь, что у тебя за это время не остынетъ любовь, а я успѣю подробно узнать, за кого выхожу замужъ за человѣка или за злаго духа?

— Я не злой духъ, прекрасная Девлетъ, и ты напрасно обижаешь меня этимъ названіемъ.

— Кто же ты такой, если ты не уязвимъ?

— Я созданъ, по милости Аллаха, немного иначе, чѣмъ люди. Видишь ли, Богъ пожелалъ, чтобы я не погибъ отъ руки злыхъ тварей земныхъ и поэтому вложилъ мою душу въ свинцовый ларчикъ, который опустилъ на дно морское.

— А что если кто-нибудь достанетъ этотъ ларецъ и уничтожитъ его?

— Ну это не такъ легко — отвѣтилъ драконъ — ларецъ съ моею душою выступитъ изъ бездны моря только по мановенію одного изъ тѣхъ перстней, которые носилъ на своемъ мезинцѣ великій царь и пророкъ Соломонъ. Только такой властитель для меня опасенъ.

Сейфиль, услышавъ эти слова, невольно ощупалъ палецъ, на которомъ носилъ перстень, присланный ему въ даръ Соломономъ.

На слѣдующій день, когда драконъ, по обыкновенію, улетѣлъ, царевичъ вышелъ изъ расщелины и объявилъ Девлетъ, что онъ владѣетъ перстнемъ, о которомъ говорило чудовище.

— Въ такомъ случаѣ не теряй дорогогаго времени и погуби его, пока онъ перелетаетъ океанъ.

Сейфиль немедленно вышелъ къ берегу и, выставивъ впередъ завѣтный даръ пророка, потребовалъ отъ океана ларчикъ съ душою дракона. Океанъ вспѣнился, заревѣлъ и выбросилъ къ ногамъ молодаго человѣка свинцовый ящичекъ. Подхвативъ его, царевичъ немедленно развелъ большой костеръ и бросилъ его въ пламя. Часъ спустя ларецъ не существовалъ болѣе.

Насталъ вечеръ. Девлетъ снова вышла къ отверстию пещеры, но прошло давно урочное время, а драконъ не возвращался. Настала полночь, утро и полдень, а чудовище не являлось.

— Теперь я вполне убѣждена — сказала Девлетъ — что похититель мой погибъ. Подумаемъ же теперь о способѣ возвращенія на родину.

— Нѣтъ, прекрасная царевна, не мнѣ думать о возвратѣ домой. Я не смѣю думать объ этомъ до того времени, пока не отыщу Беди-уль-Джемаль, дочери царя Шахъ-Бала.

— А на что она тебѣ?

При этомъ неожиданномъ вопросѣ Сейфиль тяжело вздохнулъ и рѣшилъ рассказать Девлетъ все, что онъ чувствовалъ на сердцѣ и что перенесъ съ того времени, какъ пустился въ розыски.

Выслушавъ его съ слезами на глазахъ, царевна объявила, что она родилась въ одномъ и томъ же домѣ съ прекрасною Беди и можетъ посодѣйствовать ему къ встрѣчѣ съ нею.

— Это какимъ образомъ? спросилъ Сейфиль, потерявшій было надежду когда-либо узнать что-либо о Беди-Джемаль. Царевна отвѣчала:

— Въ одно время жена Шахъ-Бала или проще царица Пери, пролетая мѣръ почувствовала надъ нашимъ дворцомъ, что ей пришла минута произвести на Божій свѣтъ Беди-Джемаль. Это обстоятельство заставило ее спуститься на землю и попросить у матери моей гостепрѣимства. Мать моя въ это время сама находилась въ такомъ же положеніи и, разумѣется, окружила ее всевозможною заботливостію. Три дня спустя, послѣ нашего рожденія, царица пери, благодаря насъ за гостепрѣимство, вручила матери моей вотъ эту самую ладонку, которая виситъ у меня на

шеѣ, и сказала: передай своей дочери, что, если она когда-нибудь очутится въ большомъ несчастіи и будетъ нуждаться въ моихъ воздушныхъ слугахъ, то пусть броситъ ладонку въ огонь. Я немедленно приплю къ ней спасителей. Мнѣ кажется, что теперь слѣдуетъ испытать это средство. Съ этими словами Девлетъ сорвала ладонку съ шеи своей и бросила ее на красные уголья.

Не успѣвъ взвиться къ небу маленькій дымокъ, какъ передъ Сейфилемъ и царевною явились двѣ пери небесной красоты и, ставъ на колѣни, ожидали приказаній.

— Прелестныя дѣвы—сказала Девлетъ—мы находимся въ безвыходномъ положеніи. Перенесите насъ во дворецъ вашей госпожи Беди-Джемаль.

— Требованіе твое сейчасъ же будетъ исполнено — отвѣчали феи—потрудитесь только прикрыть глаза, чтобы не испугаться отъ быстроты нашего полета.

Сейфиль и Девлетъ закрыли глаза.

Нѣсколько минутъ спустя они поставлены были снова на ноги и очутились въ величественномъ дворцѣ Шахъ-Бала. Беди Джемаль съ матерью бросились въ объятія Девлетъ.

— А это кто съ тобой? спросила Беди, когда осталась съ царевною на-единѣ.

— Это несчастный Сейфиль, наслѣдникъ Египетскаго трона.

— Неужели Сейфиль? вскрикнула Беди-Джемаль и поблѣднѣла.

— Развѣ ты знаешь этого царевича?

— Не только знаю, но постоянно ожидаю по назначенію пророка Соломона, какъ суженаго друга.

— Въ такомъ случаѣ и я оказала тебѣ услугу; въ противномъ случаѣ ему пришлось бы до глубокой старости искать тебя.

Въ тотъ же день Сейфиль объявленъ былъ женихомъ Беди-Джемаль и считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Но видно ему суждено было испытать еще одно мученіе, чтобы достигнуть счастья своего. Однажды этотъ царевичъ вышелъ въ садъ и предался мысли поискать друга своего Саита. Какъ вдругъ въ ухахъ его раздался оглушительный свистъ и онъ очутился на воздухѣ въ лапахъ страшнаго дракона, грозившаго ему вѣчнымъ заключеніемъ, за убійство брата. Вслѣдъ затѣмъ царевичъ опущенъ былъ на дно океана и прикованъ цѣпями къ гранитной скалѣ.

О событіи этомъ волшебныя пери узнали только на другой день и донесли Беди-Джемаль. Послѣдняя бросилась къ отцу съ рыданіями. Возмущенный Шахъ-Бала немедленно собралъ всѣхъ подвластныхъ ему слугъ и приказалъ разгромить царство дракона и не пощадить никого изъ племени этого чудовища, если только онъ не выдастъ Сейфиля.

Прошла недѣля. Страшная борьба дракона съ пери приняла ужасные размѣры. Чудовище, видя неминуемую гибель свою и подданныхъ, вынуждено было возвратитъ плѣнника.

На этотъ разъ добрыя пери помогли Сейфилю отыскать и Саита, который скитался въ горѣ и отчаяніи на пустынномъ ост-

ровѣ, выброшенный волнами океана. Прекрасный юноша этотъ чрезвычайно понравился Девлетъ и она ему.

Оставалось только, какъ можно поскорѣе отпраздновать эти двѣ свадьбы и сообщить престарѣлымъ отцамъ жениховъ, что сыновья ихъ возвратятся въ непродолжительномъ времени съ женами вполне счастливыми.

Получивъ эту отрадную вѣсть, Асынъ-Бене и Нюманъ пришли въ такой неизъяснимый восторгъ, что опредѣлили осчастливить всѣхъ горемычныхъ въ царствѣ и праздновать радость ровно 40 дней и 40 ночей, послѣ чего отказаться отъ правъ своихъ въ пользу Сейфиля и Саита. Задуманное они буквально исполнили.

Сейфилъ въ свою очередь сдѣлался величайшимъ падишахомъ, а Саитъ мудрѣйшимъ великимъ визиремъ. Да наслаждаются подобно имъ жизнью и прочіе цари съ своими добрыми визирями!

Лишь только прочитаны были послѣднія слова рукописи, султанъ Магмутъ поднялся съ трона и, поцѣловавъ въ оба глаза Хаваджи Асана, отдалъ приказаніе, чтобы прелестная повѣсть эта немедленно напечатана была золотыми буквами и разслана къ сановникамъ государства.

Подлинную же рукопись оставилъ у себя и каждый вечеръ прочитывалъ изъ нея по одной главѣ.

Съ этого времени ни одинъ разсказчикъ не осмѣливался выманивать отъ султана незаслуженнаго вознагражденія, потому что не въ состоянн былъ разсказать ничего лучшаго. Но за то всѣ царскія милости сосредоточились на усердномъ министрѣ Хаваджи Асанѣ.

Страмбунакъ счастливый.

Въ странѣ теплой и изобилующей всѣмъ необходимымъ для человѣка царствовалъ мудрый царь, у котораго не было дѣтей. Сначала это казалось ему естественнымъ, но впоследствии онъ все болѣе и болѣе впадалъ въ задумчивость. Царица понимала настоящую причину скорби повелителя своего и употребляла всѣ усилія развлекать его. Тоже дѣлалъ и главный министръ, постоянно находящійся при государѣ. Такъ прошло еще нѣсколько скучныхъ лѣтъ.

Въ одинъ вечеръ преданный министръ, истощившій уже всю находчивость свою, обратился къ государю съ слѣдующимъ предложеніемъ.

— Не пожелаетъ ли мой монархъ проѣздить со мною въ платѣ бѣдняка по своему государству. Кто знаетъ—авось и намъ удастся напасть на какого-нибудь чудотворца, который обрадуетъ твое величество. Если же этого мы не встрѣтимъ, то все-таки найдемъ такіа развлеченія, которыя невозможны для царей, не выѣзжающихъ изъ своей столицы.